

Папа, куклу звали Джульеттой

16+

Анна Абаимова

Анна Львовна Абаимова

Папа, куклу звали Джульеттой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51650544

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-07180-3

Аннотация

Безуспешная погоня за красивой мечтой – порой это может быть очень страшно! Книга-шок! Книга, от которой заболит голова и случится бессонница... Почему человек вдруг становится жертвой – других людей, ситуаций? Кто придумывает сценарий судьбы? Одна из героинь оказывается в чрезвычайно запутанной жизненной ситуации – её, уже взрослую, родной отец согласен предать, польстившись на обещания недалёковидной авантюристки, готовой ради своих амбиций всё смести на своём пути. Откровенная история о мечтах, любви и предательстве. Все персонажи вымышленные, однако в основе сюжета – реальные события.

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	24
Глава 3	66
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Мечты сбываются. У каждого по-своему. Однако никто никогда не остаётся полностью обделённым. Также наверно никто не бывает на все сто довольным их исполнению.

– Ты правда так думаешь? – спросил мужской голос, и я вздрогнула.

Я ведь не произносила ни единого слова вслух. Просто думала. Неужели он умеет читать мысли?

– А разве это неправильно? – спрашиваю я.

Эд молчит, наверняка размышляет.

Когда мы познакомились, он попросил называть его Эдуардом, или как угодно, только не Эдиком, потому что, как тонкий ценитель поэзии, он давно знает, с чем это рифмуется. Называть его Эд проще, чем Эдуард, да и по ситуации вполне уместно.

– О чём ты мечтаешь? – спрашиваю его.

– Зачем мечтать? У меня всё есть, – отвечает он.

– Я тоже хочу, чтобы у меня всё было, – говорю я.

– Полно вас таких, – смеётся он.

– Посоветуй что-нибудь, ты умный, – прошу я.

– Никакой я не умный, – возражает он. – Это только так кажется. А советы всем только дурачки всякие раздают.

И дальше он охотно рассказывает свежий анекдот. Вот и поговорили.

Мы познакомились недавно, а кажется, будто сто лет знакомы. Просто всю жизнь мы каким-то удивительным образом сосуществовали бок-о-бок. С детства я жила по сосед-

ству с его рестораном, своего рода бандитским гнездом и каким-то особенным образом, своим шестым чувством распознавала всегда его присутствие, его энергию. Впоследствии, когда он продал ресторан и гнездо опустело, этой силы больше не ощущалось. Но пока он был прямо-таки местный дон.

– Ты похожа на своего отца, – говорит он и я обижаюсь.

Но разумеется – не подаю виду. Многие люди до этого всегда мне говорили, как это некрасиво – плохо отзываться о родителях, и что в таком случае только меня и осудят. Поэтому я молчу. Жду, что он скажет дальше. Хотя Эд чрезвычайно наблюдательный, увидел, как изменилось у меня настроение и замолчал, видимо догадался – что-то тут не так.

– Я имею ввиду, ты внешне похожа, – поправляет себя он.

Однако я любопытная, мне хочется узнать всю эту таинственную историю – что скрывал всегда от нас мой отец и какой он на самом деле.

– У вас были общие дела? – спрашиваю я.

– Да, – отвечает Эд и теперь начинает цедить слова, я уже знаю эту его манеру и понимаю, что эта тема ему возможно неприятна и говорить он не хочет совсем. Но я хочу!

– Чем вы занимались вместе? – спрашиваю настойчиво.

– Металлом, – отвечает Эд и, вздохнув, отворачивается к телевизору.

– Вот не знала, это же очень выгодно! – восклицаю я.

Предполагаю, что скорее всего это было когда-то давно, в годы моей юности. Эд старше меня на десять лет – в те годы

он как раз только начинал входить в коммерческий поток. Но мы тогда всё время сидели без денег, можно даже сказать – часто нечего было есть. А папа оказывается хорошо зарабатывал, но не хотел помогать нам.

– Вы были на равных? – спрашиваю осторожно я.

Эд долго хмурится, а потом сквозь зубы говорит.

– Нет, твой папа был шестёркой.

У меня начинает кружиться голова – прямо какое-то наваждение. Будто я взгромоздилась на карусель, хочу слезть с неё, но она не останавливается. Тогда на этой карусели, как на машине времени, я переносусь в прошлое. Ещё как будто выбираю, куда лучше заглянуть – совсем в детство или куда-нибудь в подростковые годы...

Глава 1

Всегда папа жил с нами под одной крыше, но никогда я не ощущала от него никакого особенного душевного тепла. В детстве он привозил мне ириски, когда ездил в командировки. И ещё приносил из леса грибы – вообще был таким заядлым грибником. Он и меня научил разбираться в грибах. А может это я сама научилась, рассматривая всегда грибы в его корзине.

– Папа, какой это гриб? – вдруг закричал пронзительный детский голосок.

И я даже не пойму, мальчик кричит или девочка. Но однозначно – голос это не мой. Кто же ещё так уверенно называет моего отца папой? Ведь я знаю наверняка, что я у него единственная дочь. И вот он отвечает этому ребёнку. Голос своего папы я узнаю с трудом – так мягко и ласково со мной он вообще никогда не разговаривал. А тут говорит:

– Это рыжик...

Я жду, что он скажет ещё дальше. Голос обрывается, но мне кажется, вот-вот он позовёт ребёнка по имени, или добавит что-нибудь ребяческое, типа моя крошка, моя дочка или подобное. Однако он не говорит больше ничего. Я озираюсь по сторонам, ищу его где-нибудь поблизости. И тут вдруг взглядом встречаюсь с его любовницей.

Хотя эта особа только по слухам его любовница, потому

как разве могут быть такие вот отношения, когда мужчине уже 70 лет. А моему папе уже именно столько, так что возможно они просто дружат, хотя эту просто подругу он называет самым близким другом и главным человеком на свете. Лариса, так её зовут, моя ровесница...

Давным-давно она выучилась на актрису, но судьба актёрская не сложилась. Теперь она преподаёт детям в доме культуры, а мой папа работает там монтажником сцены. И всячески Ларисе помогает. Участвует вот даже в её сценках. Хотя как-то на своей машине времени я не слишком далеко переместилась. Прикрываю глаза и вспоминаю дальше.

...Вот мы идём по лесу.

Я – совсем маленькая девочка. Папа срезает грибы один за другим, а я не нахожу ничего.

– Поосторожней с ножом, – кричит моя мама моему папе. – Убирай нож в карман, видишь, ребёнок возле тебя бежит, заиграется, нарвётся...

Он делает вид, что заботливо убирает свой складной нож. Но срезав следующий гриб, опять ходит с вытянутой рукой, будто даже угрожающе всё время направляя его в мою сторону. Тогда мама моя предостерегающе кричит мне. Но я, как и все дети, ничего не боюсь. Радостная, бегаю за папой и наблюдаю, как он находит грибы. В то же время какой-то крошечной частью своего детского сознания понимаю – папе на меня наплевать. И на мою маму тоже наплевать.

Вроде он живёт с нами, но у него какая-то совсем другая,

обособленная от нас жизнь. И наш быт, как и моё будущее, его совсем никак не заботят, и всегда, что бы мы его ни попросили сделать для нас, он этого не делает – отказывается, надменно повторяя, что на его век хватит. А я ещё не знаю, сколько это – век. И думаю, что наверняка столько же, сколько живёт, к примеру, Кощей Бессмертный. В общем – долго.

– Смотрите, я тоже гриб нашла! – кричу я своим родителям и склоняюсь над находкой с намерением сорвать.

– Это поганка, – говорит мама. – Не трогай ручками.

– Но он такой красивый, – огорчаюсь я.

– От этого гриба на стенку полезешь, – всё так же надменно бросает папа и проходит мимо.

Тогда я задумываюсь, пытаюсь представить, как это – лезть на стенку. Воображение работает хорошо, поэтому картина получается смешная, и я не тороплюсь оставить заветный гриб.

– Пойдём, – уводит меня мама. – Чувствуешь, как пахнут берёзы?

Но я не понимаю, о чём она говорит. Я очень люблю берёзовый сок, но он не пахнет...

Как раз в ту весну после долгого скандала мама заставила папу уделить мне немного времени, и мы пошли в лес. Я сорвала пожелтевшую с прошлой осени соломинку, а папа сделал в берёзовой коре отверстие. Минуту за минутой я терпеливо ждала, когда на кончике соломинки появится маленькая капелька, и сразу слизывала её. Больше с того вре-

мне папа не смотрел даже в мою сторону, а если иногда поглядывал, то в основном недоволено – я либо мешала ему отдыхать после работы, либо мешала, когда он в одиночестве располагался на кухне, потому что всегда любил есть один.

...Грибы в тот год пошли как-то особенно рано, и я ждала, когда из леса он принесёт ещё землянику. Он в самом часто ходил в лес, приносил много ягод, а нам не давал...

– А какая на вкус морошка? – слышу я откуда-то неожиданный вопрос.

Вздрагиваю и возвращаюсь из этого странного путешествия во времени.

– Вкусная, – отвечаю машинально, потому что это в самом деле так.

Понимаю, что спрашивает меня об этом уже Лариса.

– Тебе папа приносил? – продолжает она выспрашивать, видимо моего ответа ей мало.

– Приносил, – киваю я.

– И мне обещал принести, – признаётся она. – Сладкая ягода, да?

– Не очень.

– Кислая что ли?

– И не кислая.

– Тогда какая?

– Просто вкусная...

По-другому я не могу описать её бархатистый глубокий приятный вкус, похожий может быть на терпкость переспе-

лой смородины, утратившей после ранних заморозок свою кислинку.

– В середине лета созревает, да? – уточняет ещё Лариса и добавляет, но будто уже себе самой. – Прямо к моему дню рождения принесёт. И грибов белых тоже обещал принести.

Потрясённая этим откровением, я мечусь, терзая свою мысленную машину времени, и теряюсь, не зная, куда лучше теперь переместиться – то ли в прошлое, то ли в будущее. Смутно догадываюсь, почему прямо с самого моего детства папа не приносил нам ни грибов, ни ягод. Ведь он был заядлым грибником, весь пропахший лесом, и ягоды любил собирать. Но... Оп! Вот и остановка.

Моя машина времени рванула как-то чересчур резко, так что я даже не могу понять, где вообще теперь нахожусь. Но меня там точно нет. И вообще все люди незнакомые, да и улицы тоже, а дом и вовсе чужой. Бегает совсем крошечный мальчуган, а женщина рядом с ним, видимо его мать, сильно пьяная.

– Привет, – говорю я этому мальчугану.

Он пугается, удивлённо таращится на меня. Видимо в самом деле я выгляжу, как прибывшая из другого измерения.

– Мне кажется, я тебя где-то видела, – говорю я малышу.

– Я твой папа, – говорит он и смеётся.

Тогда я вздрагиваю, потому что узнаю в точности этот смех. Но как такое возможно и каким образом в сознании своём я переместилась в те далёкие времена, когда меня ещё

не было?..

Хватаю его за руку, но он вырывается, убегает. Я бегу за ним.

Коридор длинный, тёмный и как будто бы даже грязный. Я спотыкаюсь обо что-то и это что-то с грохотом катится впереди меня. Догадываюсь – это большая железная банка видимо из-под солёных огурцов. Боязливо пытаюсь её поднять, нащупываю ручку из проволоки.

– Давай я поставлю её у туалета, – деловито говорит мальчик и дальше идёт на кухню.

– Не надо меня угощать, – из вежливости шепчу я.

– У меня есть только бутерброды с маргарином, будешь? – спрашивает он.

И тут мы оказываемся в кухне.

Я теряюсь, потому что она огромная и там много разных людей, которых я, разумеется, не знаю. Тогда я догадываюсь – это посторонние друг для друга люди, то есть квартира с подселением. Мальчик садится на свободное место за столом и тут же перестаёт меня замечать, точно так же, как мой папа не замечал меня никогда в детстве. На других людей он также не обращает внимания – просто мажет подтаявший, лежавший на столе маргарин на зачерствевший кусок хлеба и ест. Пытаюсь спросить его о чём-то ещё, но он не реагирует... Вспоминаю его любимую поговорку: «когда я ем, я глух и ем».

– Не ем, а нем, – поправляет его всегда моя мама.

Но он молча всегда продолжает есть и на всё ему наплевать.

Дождалась теперь, когда он доел свой маргариновый бутерброд, но и после этого он больше со мной не разговаривает. Вообще не видит меня! А говорит будто бы сам с собой. Однако мне интересно, и я продолжаю наблюдать. Вокруг него много разных людей – вот их он как раз видит, посматривает так искоса, будто даже с опаской, наблюдает, что они едят и как будто прислушивается. Новый бутерброд не делает, однако сидит и не уходит. Теперь я рассматриваю кухню...

Замечаю здесь крайнюю нищету: крашенные когда-то неприятной жёлтой краской стены с проплешинами тут и там, потолок с большими тёмными пятнами, видимо появившимися когда-то от потопления, случившегося этажом выше. Люстры нет, вместо неё простая лампочка. Замечаю посуду, которой пользуются люди – вся она грубая и очень простая, какая была раньше в общественных столовых, а пол грязный, сильно затоптанный – понятно, что не мыли его здесь давным-давно.

Какой-то обросший мужчина со сковородой, из которой идёт пар, но пахнет не вкусно, направляется к своему столу и мимоходом, я даже не понимаю, то ли нарочно, то ли случайно, задевает сидящего мальчугана по голой спине. Тот орёт и вскакивает. Люди оглядываются, но никто его не жалеет, не подходит утешать, наоборот даже, быстро отворачиваются и

продолжают заниматься своими делами.

Мальчик убегает. Тотчас на его место садится какой-то нагловатый подросток и вместе с жестоким или неловким мужчиной они начинают вилками торопливо есть прямо со сковороды.

Я бегу за мальчиком по коридору, боясь, что он ускользнёт от меня. Ещё боюсь, что снова запнусь о то же самое ведро, сделанное из жестяной банки. Но его уже нет – какая-то женщина выходит из туалета прямо перед моим носом и протягивает мне это самое ведро.

– На, воды нальёшь в ванной, у нас бочок не работает, – говорит она и я пячусь, совсем ничего не понимаю, потом сразу спохватываюсь, говорю:

– Мне не надо, – и дальше как под гипнозом смотрю на эту женщину.

Она стряхивает воду с зонтика.

– А зонтик вам зачем нужен был в туалете? – спрашиваю я с недоумением.

– Так я же говорю, бочок не работает, бежит, не мокнуть же, – ворчливо тараторит она.

– Почему не починит никто? – робко спрашиваю я.

– У нас тут жильцов – шестнадцать человек, никто себя крайним не считает. – Усмехается она и отворачивается.

Однако я отвлеклась этим разговором и мальчуган, за которым я бежала, уже скрылся от меня в комнате. Но дверь не заперта и я подсматриваю. Он плачет, но пьяная мать тоже

не утешает его.

– Что там про нас говорят люди? – нараспев спрашивает она.

– Про нас – ничего, – размазывая сопли по лицу, сообщает ребёнок. – Говорят про новых жильцов не очень хорошие вещи.

Дальше он что-то сумбурно рассказывает. Мать как будто бы не особо вслушивается, но ухмыляется.

– А новые жильцы что собой представляют? – спрашивает в итоге.

– У них, – зачарованно говорит мальчуган, сразу перестав реветь. – Во-о-о-от такой мешок конфет, я даже рассмотрел название – «Красная шапочка».

Какое-то время он ещё держит ручонки растопыренными, изображая видимо размеры наполненного конфетами мешка.

– Это хорошие конфеты, вкусные, – задумчиво произносит женщина, будто бы заметно трезвея. – Пробовала такие... Давно только это было.

– Шоколадные?

– Ага, и там вафля внутри.

– Ва-фля? А что это такое?

– Не могу объяснить... Ты лучше попроси у них пару конфет.

– С чего это они мне дадут, – грустно рассуждает мальчуган.

Теперь он даже походит на маленького, но уже взрослого мужчину, который говорит всё это со знанием дела.

– Надо сделать так, чтобы дали, – совсем здраво говорит уже вполне протрезвевшая женщина.

– Как? – не понимает ребёнок.

– Ты скажи, что у тебя есть для них очень интересная информация, и расскажи всё, что сможешь о них услышать.

Мальчик слушает совсем притихший, глазки его блестят – видимо идея эта ему нравится. Он даже посматривает уже на дверь, желая прямо тотчас побежать к обладателям заветных конфет. Но медлит, будто бы хочет что-то спросить ещё.

– Что? – кивает ему мать.

– А если... Если людям вот так рассказывать друг о друге, за это всегда угощают конфетами? – спрашивает он путано и смущается от своего вопроса.

Женщина смеётся и теперь хмель её как будто возвращается.

– Всегда, – кивает она. – Да не тяни, иначе они всё съедят и тебе ничего не достанется.

Несмотря на то, что идея показалась мальчику поначалу блестящей, я замечаю, как он робеет, но всё же на всякий случай отхожу от двери немного в сторону. Теперь мать с сыном мне совсем не видно, однако я по-прежнему слышу, о чём они говорят. В то же время какая-то лавина гнева захлёстывает меня – я недоумеваю, как предательству можно учить несмышлёного малыша. Чувствую, как от этого гнева

невидимая лавина будто сбивает меня с ног и вот-вот на машине времени я рискую вернуться в наши дни. Но я не хочу возвращаться вот так, не дослушав и не досмотрев. Хочу всё-таки понаблюдать, увидеть продолжение...

– Завтра пойду в лес за грибами, – раздаётся из комнаты голос женщины.

Я уже не знаю, что она делает при этом, как будто бы открывает шкаф, хотя навряд ли она может доставать оттуда корзину – я вообще очень сомневаюсь, что во всей этой квартире есть какие-то более-менее приличные вещи.

– Не пей тогда больше, – говорит ей сын уже совсем взрослому.

Женщина смеётся некрасивым пьяным смехом, а я думаю, что вообще очень даже некрасиво без стеснений напиваться на глазах у ребёнка. Мои родители в годы моего детства даже в редкие праздники никогда не позволяли себе такого. Хотя впрочем они вообще люди непьющие – ни мама, ни папа. Я усмехаюсь тому, как странным образом всё переплетается в моём воображении.

Папа... Неужели вот этот мальчуган откуда-то из другого измерения, из прошлого, правда мой родитель в далёком детстве? Возможно ли правда увидеть такое? Прямо какая-то мистика... Или мне кто-то об этом рассказывал? Останавливаюсь на этой версии. В комнате тем временем продолжается разговор.

– Возьми меня за грибами, – просится ребёнок.

– Нет, – строгим голосом отвечает ему мать.

– Ну, возьми, я не заблужусь, я не буду убегать далеко, – хнычет он.

– Даже если ты не убежишь, тебя может похитить леший, – явно сдерживая смех, говорит пьяница.

– Знаю, ты уже предупреждала, – вздохнув, сетует ребёнок. – кикимора тоже может подкараулить.

– Нет, кикимора живёт на болоте, я туда мы пойдём вместе в конце июля – за морошкой, – сообщает женщина.

– Вместе? – оживляется пацан, и тотчас задумчиво добавляет. – Но разве кикимора не подруга лешего? Почему они живут не вместе? Им было бы хорошо...

– У лешего нет подруг, – говорит женщина.

А я думаю, что несмотря ни на что, в этой семье, как и в тысячах других семей во всём мире, верят в сказки. И также, как большинство родителей пугают своих детей всякими бабайками, как и меня пугали ими в детстве, здесь – лешими да кикиморами.

Дальше в комнате случилась какая-то странная, непонятная мне пауза, а после мальчуган спрашивает робко, так, будто уже заводил разговор об этом и будто за этот вопрос его уже не раз ругали.

– Поэтому леший и похищает людей, чтобы у него были друзья?

Пьяная женщина ничего не отвечает своему сыну. Тогда он продолжает.

– Поэтому он и похитил моего папу?

Голос ребёнка становится на миг таким дрожащим и тонким, что кажется – он снова заплачет, но уже не от физической боли, а от той, которая накопилась в его душе.

– Ну-ка, марш на кухню, – кричит на него мать. – А то без тебя съедят всю «Красную шапочку»...

– Я давно догадался, ты ходишь в лес, чтобы найти моего отца, – ей в тон кричит малыш. – Ты просто плохо ищешь, а вот я бы его уже давно нашёл.

Раздаётся громкий хлопок, как от затрещины.

– Марш на кухню, – повторяет уже совсем грозно пьяный женский голос.

Тотчас я шарахаюсь в сторону, освобождая дорогу. Однако какой-то громкий звук теперь звенит в моих ушах. Не могу понять, откуда он. Может быть звонят в дверь? Но никто из шестнадцати жильцов этой квартиры не спешит открывать. Зажимаю уши ладонями, но звук не прекращается. Предполагаю тогда, что он раздаётся в моей голове. Закрываю глаза, пытаюсь прогнать наваждение. А когда открываю, как от испуга вскрикиваю. Растерянно озираюсь по сторонам, хотя на самом деле не обнаруживаю ничего удивительного.

Вокруг знакомая обстановка. Точнее – я вообще у себя дома.

Соображаю наконец, что звонит телефон – вскакиваю, хватаю трубку. У нас остался вот такой старенький телефон-

ный аппарат. Просто родители мои тоже старенькие, поэтому никак не хотят его выкидывать.

– Алло, – кричу я в трубку, предполагая, что возможно уже опоздала.

Телефон в самом деле звенел слишком долго и на том конце наверняка отчаялись ждать. Однако предположение моё оказывается ошибочным.

– Здравствуйте, – слышу я незнакомый мужской голос.

Тоже здороваюсь и спешу сообщить, что родителей в этот момент нет дома, потому что ведь это явно звонят им – мои друзья не знают этот номер. Однако незнакомец торопится меня заверить, что хочет поговорить именно со мной. Называет даже меня по имени и уточняет, дочь ли я того человека, о котором он хочет поговорить. Отвечаю утвердительно, растерянно слушаю.

Начинает он как-то сумбурно издалека. Про то, как скверно мой папа относится к моей маме и ко мне, своей единственной дочери. Что же, я понимаю – конфликт отцов и детей вечный, и в наши дни он другой, не такой, как во времена Тургенева...

Говорю об этом незнакомцу, но тот не унимается. Торопливо пересказывает все гадости, которые в мой адрес говорит мой родной отец. Впрочем, обо всём этом я слегка догадывалась, хотя теперь весьма шокирована. Для убедительности он перемежает свой рассказ уже достоверными подробностями из нашего быта – такими, которые я знаю, и кото-

рые рассказать за пределами семьи мог только свой человек. Ещё говорит о путешествиях, разумеется, совместных – была, к сожалению, такая страница в нашей семейной летописи. Точнее, летопись эту ведёт сама жизнь, а семьи у меня всё-таки нет. Только мама. И папа – в соседней комнате. Просто он всегда грезил дальними странствиями, выписывал даже журнал «Вокруг света», вот я и подумала, наивная, что если осуществлю его мечту и покажу хотя бы чуточку мира, мы подружимся. Показала. Не подружились. В сердце его только разгорелось ещё больше тщеславия. И усилилась ненависть.

Хотя скорее всего он родился и умудрялся как-то жить без сердца. Бывают ведь такие люди – бессердечные, у которых вместо сердца какой-нибудь другой орган, например, желчный пузырь... Так думала я с детства. А в зрелые годы только укрепились в подобном мнении.

– Послушайте, а зачем вы мне всё это рассказываете? – спрашиваю я у звонившего, не выдерживая всю ту грязь, которую вылил он на меня.

Ведь в конце концов не мог же незнакомец делать подобный шаг просто так – в любом поступке человека всегда присутствует хотя бы доля смысла и своя корысть.

– Деньги он у меня украл, когда на стоянке работал, – резко заявил звонивший. – В полицию я не пойду, а вот вам рассказываю, знайте об этом.

– Почему же не пойдёте? – восторженно спросил я. – Идите!

Но человек, не прощаясь, бросает трубку.

Рассказываю обо всём маме, папа слушает тоже. Он вообще всегда всё слушает, привычка у него такая. Хотя делает вид, что до всего ему нет никакого дела. У мамы куча вопросов. Он злится оттого, что так настойчиво вторгаются в его жизнь. Просто уже давным-давно в нашей квартире у него именно – своя жизнь, а мы – просто подселение.

– Это звонил хозяин стоянки, – нехотя говорит он. – Никаких денег я у него не крал.

– Зачем же ему врать? – боязливо спрашивает мама.

– К жене своей ревнует, ха-ха...

Мама пятится.

Она у меня такая вот боязливая – всю жизнь боялась его гнева и его ненависти. Он смотрит на нас взглядом лютого зверя и уходит в свою комнату. Потому что это именно и есть – его комната, а у нас – коммуналка. Но так было не всегда, а сложилось как-то само собой с течением времени, хотя все годы мама старалась, чтобы семья у нас была благополучной. Однако не вышло, всё разрушилось, будто случилось вторжение злых сил, или они просто-напросто жили с нами под одной крышей. Мы отдалялись постепенно, разделялись, обособливались... В итоге в нашей трёхкомнатной квартире каждому стала принадлежать отдельная комната. И у каждого в комнате за дверью висело своё полотенце, хранилась зубная щётка и паста, мыло, шампунь, а также кастрюли и продукты.

Заглядываю в его комнату и рассматриваю всё это задумчиво, потому что никогда здесь не была и не видела, как на самом деле аккуратно он всё там расположил. Смотрю на фотографию его матери в рамочке и мне почему-то неприятно видеть это лицо – мне кажется, что на этом слегка мутноватом снимке, сделанном небрежно и скорее всего каким-то неловким любителем, женщина эта тоже пьяная. Однако рамочка дорогая и модная. Видимо папа мой купил её совсем недавно. Мама моя идёт за ним в его комнату и ждёт разъяснений. Я стою рядом с ней. Но он молчит, даёт понять, что его жизнь – не наше дело. Тогда мы выходим.

– Он мне всегда бы чужим человеком, – говорит она, как будто пытаюсь объяснить мне что-то.

Я это хорошо понимаю. Но ещё понимаю, что мне он не чужой – родная кровь. На стоянке однако он больше не работает, нашёл новое место – в самом деле для души.

Глава 2

В доме культуры кипит иная, чем во всём мире, жизнь. Иная, потому что здесь больше тщеславия, амбиций, и как следствие всего этого – отчаяния. Здание старой постройки внешне вполне походит на дворец – такой величественный, белый и роскошный, с широкими ступенями вверх. Перед ними целая площадь, выложенная большими бетонными плитами. Ещё здесь яркие клумбы и фонтаны. Но это летом. Хотя летом мало кто приходит сюда – только одни сотрудники. В студиях не занимаются, и заезжих гастролёров не бывает. Зато летом здесь празднуют день металлургов – самый главный после дня города праздник. А может даже и равнозначный дню города, потому что больше половины жителей здесь – металлурги.

На квадратах бетона после дня защиты детей всегда остаются сделанные мелом детские рисунки – прямо как эхо прошлой эпохи. Однако эпоха другая, а рисунки похожие – странно. Здесь же – современные батуты и надувные горки, но желающих покататься нет совсем. Двое мужчин, явно сотрудники дома культуры, вытряхивают в большой пакет мусор из маленьких уличных урн. Ворчат. Каждое движение их какое-то ленивое и нарочито медленное – будто всю смену заняться им совсем нечем и они хотя бы таким образом пытаются изображать работу.

– А что, театральная студия у нас до сих пор занимается? – спрашивает вдруг один из них другого, поднимает голову и всматривается в сторону остановки транспорта.

Второй беспокойно озирается и теперь уже торопится расправиться с мусором.

– Ладно, вроде всё сделали, – резко в конце концов говорит он. – Пойду я, у меня ещё работа есть.

Работы на самом деле конечно нет. Просто он не хочет встречаться с дочерью – знает, она тоже репетирует этот спектакль. А вот с Ларисой, которая у них преподаватель, увидеться очень даже хочет. Потому напрямик теперь направляется в свой кабинет, который располагается как раз за кулисами сцены.

С этой сотрудницей флиртует он давненько, но она злится, когда он подкарауливает её где-нибудь, поэтому лучшим местом засады считает кабинет. Она всё равно рано или поздно туда заглянет. Ведь сейчас каждое занятие проходит на сцене – другие студии разошлись отдыхать до осени и здесь всегда свободно.

– Аким Аркадьевич, – окликает кто-то торопившегося и он раздражённо ищет по сторонам крикуна.

Совсем не хочется именно сейчас получить какое-нибудь новое поручение.

Кричит директор и голос её звучит так неузнаваемо, потому что она простужена. Здесь вообще простывают все очень часто – зимой дом культуры отапливается едва-едва, а лето

в этих краях никогда не балует южным теплом.

– Пора писать заявление на отпуск, – говорит директор.

– Я до дня металлургов, – отвечает Аким Аркадьевич.

– Вместе с Ларисой?

– Кто же ей будет помогать...

Директор улыбается и кивает – не вдаваясь в подробности, она поощряет любую дружбу в коллективе.

Аким Аркадьевич теперь остается у себя в кабинете один.

Своё имя, так солидно приправленное ещё и отчеством, вот именно сейчас, на старости лет, особенно ласкает ему слух. Свою рабочую карьеру он начинал вот так же в доме культуры, только совсем другом, стареньком и деревянном, который давным-давно снесли. После тянулась череда долгих лет в заводских цехах... Теперь он умилялся и радовался такому вот неожиданному повороту судьбы, которая на старости лет, в завершение его трудовой деятельности, снова привела в мир культуры. Или не совсем культуры, а если так можно выразиться – культурных грёз, потому что все здесь рвались к каким-то особенным, понятным только одним им высотам, но высоты эти всегда ограничивались рамками городской среды.

Со своего рабочего места с ликующим цинизмом Аким Аркадьевич посматривал на тех удручённых жизнью работяг, которые хаотично, полупьяные заполняли площадь перед домом культуры в день металлургов – ждали обещанный бесплатный концерт. А может и не ждали, просто других раз-

влечений им никто здесь не предлагал...

Он оставил дверь кабинета приоткрытой – это был знак для Ларисы.

До сих пор с особенным трепетом Аким Аркадьевич вспоминал момент их первой встречи. Ощущение это запомнилось вовсе не потому, что Лариса была какой-то там яркой красавицей, наоборот – внешностью обладала вполне заурядной, такую сто раз увидишь, а после не узнаешь в толпе. И он вовсе не влюбился в неё с первого взгляда, такое бы даже вовсе не пришло ему в голову, потому что она вполне могла быть его дочерью, и он бы даже очень хотел иметь такую дочь. Однако в тот далёкий день, случившийся пять лет назад, искра в его сознании вспыхнула совсем по другой причине.

Тогда совсем недавно он устроился сюда работать, уже на склоне лет, будучи пенсионером. И хоть пенсию на металлургическом заводе заработал вполне приличную, какую на жизнь хватало, сидеть в своей коммунальной квартире совсем не хотелось... В тот заветный день его позвала директор, чтобы познакомить с новой преподавательницей театральной студии – настоящей актрисой. Однако ему было наплевать на всяких здешних актрис, да и кстати сказать – на нездешних тоже.

– Это Кима, – представила его директор, и он безразлично кивнул, глядя куда-то в сторону.

Незнакомая женщина в кабинете директора засмеялась.

– Какой же это Кима?! – воскликнула она. – Это Аким, и отчество у него наверняка тоже есть.

– Аркадьевич, – отозвался он и разволновался.

Будто бы он и правда влюбился. Хотя не в кого-то, а в самого себя – просто за всю жизнь никто никогда не называл его по отчеству...

С того дня все в доме культуры стали называть его Аким Аркадьевич – даже директор. И он решил остаться тут работать на всю жизнь – хоть даже до того времени пока сил будет хватать сюда приходить, до той поры, пока будет он разуместь, как нажимать кнопку, чтобы поднимался занавес...

В его кабинете всегда тихо, никто никогда не приходит сюда без особой надобности. Здесь даже можно втихаря дремать, иногда он и вовсе засыпает на несколько часов, когда очень устаёт и когда точно знает, что никто его не станет искать. А устаёт он сильно, чувствует уже возраст, но не хочет об этом думать. Отец его умер в сорок лет и этот призрак ранней смерти всю жизнь тревожит воображение. Тревожит настолько, что едва ему самому исполнилось сорок, как он буквально начал считать дни, и каждый день проживать, как последний. Сейчас ему уже семьдесят, и как ни странно, на прожитые годы он не хочет оглядываться, зато частенько думает о будущем. И будущее видится ему очень даже радужным – настолько вот его воодушевила Лариса.

Сейчас он не намеревался дремать, он просто лёг на ди-

ван, включив перед этим чайник. Кофе он пил только на работе. Дома на кухне, которую он считал общей, никогда не демонстрировал это своё пристрастие, потому что говорил всю жизнь жене и дочери о своей плохой наследственности и о том, что в родне его нет долгожителей. Порой он усмехался, думая, что долгожителем быть очень даже просто, и старость вовсе не тягостное бремя, если проводишь её, как и всю жизнь, в своё удовольствие.

Чайник закипел быстро, и он взял с полки кулёк с пряниками – несколько дней назад их принесла Лариса и тогда они пили кофе вместе. Ещё у него лежат тут вафли, он купил их сам и теперь ждал, когда придёт Лариса, чтобы угостить её. Взгляд его привычно скользит по стене, по развешанным афишам разных лет с дерзкими лицами знаменитостей и просто амбициозных мечтателей. Среди всех афиш на видном месте висит портрет Ларисы – давным-давно он красовался в фойе какого-то театра, где она когда-то числилась актрисой, хотя так никогда и не сыграла ни одной роли. На портрете – её автограф. Это он, Аким Аркадьевич попросил расписаться – должен же быть у неё хоть единственный поклонник во всём этом большом, холодном, равнодушном мире.

Он знает, что сейчас грибы в лесу ещё не пошли – ходил проверять, и морошка тоже не поспела. За всю свою жизнь он точно уже выяснил, когда она созревает, и это время как ни странно совпадало с днём рождения Ларисы.

Но вот она пришла... Он прислушивается к голосам. Его дочь тоже здесь, но он не считает неудобным выказывать своё пристрастие при ней. Надевает свой нарядный пиджак. Когда он не выполняет никакую грязную работу, всегда ходит в пиджаке. А пиджаков у него два. Один просто нарядный, другой – очень нарядный. И тот, и другой подарили ему заезжие знаменитости, и он дорожит ими как особенной ни с чем не сравнимой ценностью.

Ещё в юности он как-то сразу догадался, что артисты – это своего рода каста, и дружат они только друг с другом, женятся друг на друге и любят друг друга. Чтобы добиться внимания кого-нибудь из них, надо самому стать им ровней. А вот эти два пиджака, так сказать – с барских плеч, как ему казалось, именно приближали его к этим чарующим небожителям. Приближали в первую очередь к Ларисе – и это главное.

В спектакле, который она сейчас репетировала со взрослой группой, он согласился включать музыку. Конечно, это не входило в его обязанности, но звукооператор у них работал по совместительству и на лето ушёл отдыхать. Помощь Акима Аркадьевича нужна была Ларисе не на каждой репетиции, и он прислушался, пытаясь понять, с какого эпизода они начали и надо ли ему выходить. Его почему-то не звали. А сам в таких ситуациях он всегда робел. Как впрочем робел всегда и во всём в жизни, не понимая, в какой момент и как правильно сделать шаг.

Похоже, ещё не репетировали. Он прислушался, о чём там

говорят...

Сначала голоса звучат тихо, как будто люди о чём-то препираются, потом начинают говорить громче, а спустя несколько минут и вовсе переходят на крик. Тогда Аким Аркадьевич понимает, что это явно не репетиция. Да и будет ли она сегодня? В свои годы он уже слегка оглох, тем не менее всё равно расслышал, что причиной перепалки была Лариса, точнее весь шум разгорелся вокруг неё.

Ребята из спектакля категорично больше не хотели заниматься летом, предлагали отложить занятия до осени. Лариса же упрекала их в том, что они не предупредили её заранее и поэтому она не сможет сейчас вот так просто всё бросить и уйти в отпуск. «Что за чушь, – подумал Аким Аркадьевич, – отпуск её никак не связан с занятиями в студии, это сама директор попросила её остаться до дня металлургов и пойти отдыхать, только когда они проведут праздник». Думая об этом, он отвлёкся и не услышал, к какому соглашению они пришли, однако, судя по звукам, ребята расходились.

Вскоре Лариса, взбешённая, влетела к нему в кабинет.

– Знать бы, кто это делает... Кто это делает? – закричала она.

– Что делает? – переспрашивает Аким Аркадьевич, вскочив с дивана и растерянно замерев на месте с растопыренными руками.

– Настраивает всех против меня... Ведь определённо кто-то есть среди них смутьян. Вы случайно не знаете – кто?

– Откуда же мне знать.

– Ну, я подумала, может это ваша дочь.

Какие-то несколько секунд оба выдерживают паузу.

– Может и она, – первым нарушает тишину Аким Аркадьевич, потупив взгляд.

– А могли бы вы узнать наверняка?

– Могу, – говорит старик, прикидывая, что в общем-то сделать это будет совсем не сложно: дочь не особенно обращает внимание на его присутствие и свободно разговаривает с друзьями по телефону, да и матери частенько рассказывает о произошедшем в своей жизни. В конце концов можно будет даже приврать – для пользы дела, так он порой делал и в других случаях.

– Значит, договорились, – оживает Лариса.

– Ладно, сделаю, – говорит он в ответ.

– Можете рассчитывать даже на вознаграждение, – подмигивает она.

Аким Аркадьевич ёрзает на диване, взгляд его блестит.

– Да не на такое, о котором вы подумали, – смеётся женщина. – Всё гораздо проще: куплю вам что-нибудь вкусненькое.

– Так тоже не плохо, – говорит старик, наливая кипяток в чашки. – Конфет, например, килограмм.

– Каких?

Он на секунду замирает, но вовсе не потому что услышал сложный вопрос, а как будто решает посмаковать предстоя-

щий уже давно заготовленный ответ.

– «Красную шапочку», – выдыхает наконец, стараясь казаться сдержанным.

Но волнение его не ускользает от взгляда собеседницу.

– Ностальгия? – понимающе кивает она.

Тогда он молча улыбается.

– А ещё вы обещали мне белые грибы и морошку, – напоминает она.

Хотя можно было не напоминать – он и так помнил.

– Принесу, – важно говорит он. – Не выросли только ещё грибы и ягоды не поспели.

– Но уж не упустите момент.

– Не-е-е, упускать моменты – не по мне. Это слишком досадно.

Уж кому, как не ей, следовало об этом говорить. Она понимала горечь упущенного лучше, чем кто-либо другой. Но он видимо думал о каких-то своих моментах. И обоим взгрустнулось. Но Аким Аркадьевич не любил, когда Лариса грустила. Всячески он старался всегда её порадовать. И теперь вот тоже лезет в шкаф. Достает оттуда что-то в подарочной упаковке, перевязанное бантом – протягивает ей.

– Подарок? – изумляется она.

– Скоро у тебя день рождения.

– Но заранее нельзя поздравлять.

– Я и не говорю ничего, просто отдаю подарок. Может летом не получится увидеться.

– А грибы? А Морошка?

– Это другое. Подарок открой, понюхай.

– Что здесь?

– Шампунь.

– И что такого? Он как-то по-особенному пахнет?

– Берёзами...

– Правда? Это какой-то особенный аромат? Никогда не обращала внимания...

– Зря.

– Сколько раз была в лесу, там пахло всегда только шашлыками.

– Да ты понюхай уже наконец!

– О-о-о! Какая свежесть! Мне нравится.

– Как в лесу... А пойдём со мной в лес!

– С вами в лес, – Лариса хихикает, представив видимо такой поход и этого спутника, качает головой. – Я привыкла к комфорту, а в лесу трава мокрая и мошки кусаются.

– Но там и много всего интересного есть...

– Например?

– Например, встретил я однажды лешего...

– Это байка или анекдот?

– Нет-нет, чистую правду говорю.

Только в доме культуры давно знают, Аким Аркадьевич – большой мастер придумывать и привирать. Однако Лариса всё-таки старается сделать доверчивое выражение лица и, поборов себя, готовится слушать. В конце концов, во что бы

то ни стало ей нужно заполучить от этого, как ей казалось, нудного человека три вещи: подробную информацию о его дочери, белые грибы и морошку. Так что следовало настроиться и чуть-чуть потерпеть.

– Так вот, иду я как-то по лесу, – начинает рассказывать он. – Далеко забрёл, и люди-то уже попадаться перестали. Гляжу, кто-то машет мне впереди. Я давно заподозрил, что заблудился, но старался не паниковать. «Эй, – кричу, – как на тропинку выйти?» А этот кто-то всё машет, мол, иди сюда, покажу. Подхожу ближе, а это не человек вовсе, а дерево старое с растрескавшейся корой и кривое всё такое.

– Разве можно перепутать человека с деревом?

– Иногда бывает, – отмахивается рассказчик, а слушательница хихикает снова, растолковав его слова по-своему.

Он тем временем продолжает рассказывать. И получается это у него с таким увлечением, будто поведать он решил о самом ярком, самом запомнившемся приключении из всей жизни.

– Понял я тогда – дорогу мне леший показывает, – говорит дальше Аким Аркадьевич. – Потому как кто это иначе мог быть, как ни сам он – хозяин леса и шутник, каких ещё поискать. В лесу больше-то и не отыщешь. Гляжу я – правда тропинка. Обрадовался, пошёл по ней, а лес такой необычный вокруг, прямо как раз и есть, о каком говорят – дремучий. Грибные места стали попадаться – прямо нетронутые, белые – высотой аж с полметра.

– Такие грибы, наверное, уже нельзя есть? – предполагает Лариса. – Они наверняка червивые.

– Нет-нет, если гриб дорос до таких размеров, значит черви ему не помешали, нога его стала как камень, такую срезаешь с большим трудом, а шляпка мясистая, ароматная, для супа – самое то, потому что впитал этот гриб всю силу леса.

– Прямо всю силу? – переспрашивает его слушательница, сделав удивлённо-наивное лицо и думая при этом, что была бы не прочь полакомиться таким грибом – гостинцем от самого лешего.

Аким Аркадьевич мимоходом кивает и продолжает дальше.

– Набрал я этих грибов – полный рюкзак, складывать уже некуда, и понял вдруг, что тропинка какая-то не такая, не та, что выведет меня из леса, а наоборот, куда-то в глубь, в чащу уводит. Сразу озираться стал, прислушиваться, даже можно сказать – запаниковал. Вдруг опять мне впереди кто-то машет.

– Снова леший?

– Как догадалась?

– Ну, если чаща, кроме лешего там и быть никого больше не может.

– Точно так и есть. Подхожу и понял, что опять на то же место вернулся, к тому же самому дереву, на человека похожему. Подошёл...

– Разве так бывает?

– В лесу, где леший водится, оказывается бывает. Зато мне спокойней на душе стало, понял, что не совсем безнадежно заблудился, по дереву постучал.

– Это зачем? – усмехается Лариса.

– Ну, подумал просто, вдруг оно оживёт и правда в лешего превратится.

– Не превратилось?

– Не-е-е, я даже ветку сухую от него отодрал, оно не пикнуло. Зато услышал я вдали людские голоса – кто-то тоже заблудился, «ау» кричал. Подошёл я к этим людям – вот вместе мы из леса дорогу и нашли.

– Забавная история. Прямо реклама грибов с пометкой «от лешего».

– Принесу, принесу тебе гостинец.

– Только пообещайте, а то в отпуск уйдёте и обо всём забудете.

– О тебе не забуду.

Дальше какое-то время они молча пьют чай.

Лариса думает о белых грибах, о том, какие они наверняка вкусные из самой глухой чащобы... Аким Аркадьевич любит свою собеседницу и думает о своих любимых конфетах «Красная шапочка», думает, что какой-то прямо-таки красной нитью идут они через всю его жизнь. Но ничего с собой при этом он не может поделаться – любит эти конфеты прямо до головной боли.

...Они всегда ему напоминают мать, которая покинула

этот мир уже давно, и теперь он всё время боялся забыть её лицо, считал, что это самое страшное в жизни и потому носил всегда в бумажнике её фотографию – совсем малюсенькую, и боялся её потерять. Не было у него больше родных людей на свете – жену свою он не просто не любил, а даже ненавидел, и дочь, так как она была рождена этой женщиной, ненавидел тоже. Получалось, мать оставалась его единственным дорогим человеком на всю жизнь.

Таким же был для него и отец, и до сих пор он не мог отделаться от той навязчивой мысли, что заблудился тот где-то в лесу, вот может быть так же забрёл туда, куда манил его леший, и уже не вышел оттуда, остался там навсегда, остался ждать, когда родные станут его искать и обязательно найдут... И сейчас он может быть до сих пор где-то там ютится, сушит на зиму белые грибы, чернику с голубикой, и делает настойку из морошки, потому как высушить её никак невозможно, она напоминает малину – сразу начинает бродить, а ведь в лесу наверняка одному да ещё в компании с лешим ужас как скучно, вот и пьют они там вдвоём настойку эту...

От этих бредовых мыслей к реальности его возвращает голос Ларисы.

– А ещё какую-нибудь историю расскажите, – просит она.

– Про лешего? – машинально переспрашивает он.

– Не обязательно. Просто про лес. Наверняка ведь там ещё много всего интересного.

– Да, приключений хватает, – задумчиво говорит Аким

Аркадьевич, однако мысленно всё ещё остаётся там – в лесу, быть может представляет себя даже тем маленьким мальчиком, которым в детстве своём пытался там отыскать папу.

Поэтому торопится рассказать что-нибудь ещё о лесных приключениях.

– Расскажу про кикимору, – начинает загадочно.

Лариса умиляется и делает вид, что готова слушать. Этот персонаж ей прямо-таки родной, потому что такой была единственная роль, которую она когда-то за всю свою актёрскую карьеру сыграла на сцене.

...Спектакль был детский и её выход – один-единственный, однако всё равно запомнился на всю жизнь, и хоть мечтала она всегда прямо с юности, со студенческих лет сыграть Джульетту, кикимора ей была по-своему дорога. Сейчас она не могла понять, то ли Аким Аркадьевич правда верил во все те глупости, которые ей рассказывал, то ли сочинял их от всей души – в любом случае она удивлялась его наивности и непосредственности, в их актёрской среде такие качества у людей напрочь отсутствовали.

– Так вот, пошёл я однажды на болото за морошкой, – говорит он. – Тогда я ещё собирал ягоды для своей маленькой дочки.

Лариса вскидывает брови – не предполагала она, что когда-то он любил свою дочь.

– В детстве она наверно была милой крошкой? – спрашивает вкрадчиво.

– Милой или не милой, какая разница, – машет рукой её собеседник. – Так вот, про кикимору... Забрёл я в тот раз далеко, потому что болото подсохло после долгой засухи. Слышу – смех такой переливчатый, догадался сразу, что не один тут ягоды собираю, присмотрелся – старуха какая-то впереди мельтешит, одежда на ней вся оборванная, местами даже голое тело видно, подумал – откуда такая выискалась...

Лариса тотчас вспомнила свой костюм в той роли – несуразные лохмотья неопределённого цвета. Усмехнулась. Вспомнила, что всегда мечтала выйти на сцену в бальном платье. Не вышла. Но это только пока. Надеялась она ещё, что когда-нибудь что-то изменится в её жизни.

– Кикимора вскоре меня увидела, – продолжает Аким Аркадьевич. – Засмеялась ещё сильнее, и машет, мол иди ближе, точно так же, как леший – все они как сговорились, что ли. Я спрашиваю: «Ягод там больше?» Она кивает. И я, не глядя под ноги, иду прямо к ней, хотя сам уже литра три точно насобирал. Вдруг почувствовал – захлюпало под ногами, потом ещё сильнее, я запаниковал, хотел быстрее пойти, но чую – ногами уже не владею, засасывает меня. А кикимора знай смеётся. Потом совсем близко подошла и смеётся уже в лицо, и тут я её рассмотрел, а как в глаза её бесноватые заглянул, сразу сознание потерял, последняя мысль только у меня и мелькнула – всё, мне конец... Однако очнулся. Не знаю, сколько времени прошло, и что происходило в этом отрезке, но почувствовал – твёрдая почва подо мной, на тра-

ве лежу, и ветки зелёные сверху склонились, прямо небо за-слоняют – берёзы. Решил – значит в Рай попал, потому как навряд ли в Аду может расти такая красота. Вспомнил тот-час про кикимору, но нигде рядом её не было, хотя ведь не могла она мне померещиться. Подумал – уж не она ли это меня спасла, из трясины вытащила...

– Запросто она, – улыбается Лариса.

– Вот и я так подумал, однако смотрю – ягод у меня отсыпала, совсем чуть-чуть осталось их у меня на дне, может быть стакана два.

– Жаль... На этот раз если морошку насобираете, осторожней будьте, чтобы кикимора не забрала.

– Нет, теперь я в её игры играть не буду. Похожу по краю болота и скорее назад.

– А я ни разу на болоте не была...

– Разве? – немного помолчав, спрашивает Аким Аркадьевич. – Порой жизнь нас засасывает, словно болото, и разные обстоятельства. Каждую минуту кажется – вот-вот утонешь, а потом бац, отвлёкся от соблазнов и как будто снова твёрдая почва под ногами.

– Ах, вон вы про что... Прямо философ. Наверное, довольствуетесь малым? А я вот так не могу. Мне много в жизни надо и всего хочется.

– Молодая ещё. Я в твои годы таким же был... Путешествиями всё грезил.

– Так поездили же...

– Да, только не всё увидел, что хотел.

– В Индии даже были...

– Был, но что там хорошего – грязь, нищета.

Лариса звонко смеётся...

– Значит настоящую Индию вы всё-таки не увидели, не поняли... А я у Саи Бабы была, мечты осуществить просила, – делится она.

– Не знаю, кто такой, – отмахивается Аким Аркадьевич и пауза между ними тянется дольше приличного.

Она уже хочет уйти, потому как понимает – слишком за- сиделась тут, хотя в общем-то уже обсудила с этим человеком всё, что ей было нужно. И теперь он смотрит на неё как-то странно и эта странность в его взгляде её очень смущает, улавливала она её ни раз и прежде. Он же смотрел так порой, потому что иногда затруднялся и не понимал, как же всё-таки её воспринимать – как подругу, будущую любовницу или вторую дочь. Порывался прикоснуться к ней, но боялся, что этот жест оттолкнёт её или оскорбит... Поэтому часто он просто смотрит на неё во все глаза, как на героиню спектакля одного актёра.

– Вы прямо мой поклонник, – льстит она, старательно делая милым выражение лица. – Но пока только единственный.

– Будут ещё и фанаты, и поклонники, – добавляет он.

На этой фразе она уже выходит из его кабинета.

Он остаётся один и усмехается ей вслед, думает – какая она мечтательница.

Рабочая смена уже подходит к концу и пора идти в душ. Но он ловит себя на мысли, что чуточку оплошал и надо было ополоснуться до её прихода. В самом деле, а вдруг... Решает впредь быть более расторопным и ловить удачу, если она так неожиданно-негаданно залетает к нему в кабинет. Ещё он всегда жалеет, что Лариса не пользуется духами, даже осторожно упрекает её иногда в этом. Однако она не исправляется. Ему же всегда очень хочется, чтобы в кабинете после неё оставался хотя бы тонкий шлейф её аромата.

Сейчас, несмотря на то, что они пили кофе, здесь пахло почему-то берёзовым лесом. И он улыбнулся, подумав, что это наверняка от рассказанных историй. Но тотчас вспомнил – ведь он подарил ей берёзовый шампунь, посмеялся над этой своей забывчивостью.

Лариса в это время уже поехала домой...

Ездила она на старой машинке, сменившей не одного хозяина, однако, как она считала, так намного лучше, чем ездить в городском транспорте. Машина часто ломалась и тогда ей приходилось какое-то время ездить на такси или трамваях. Там ей становилось грустно и даже страшно, потому что артисты, как она всегда считала, это высшая каста, и значит ездить они должны только на дорогих машинах – лимузинах и ягуарах. Хотя особенно в машинах она не разбиралась – знала только эти два красивых названия. Сейчас она изо всех сил гнала свою развалюху, представляя, что это как

раз и есть её шикарный автомобиль и она вся такая знаменитая скрывается за тёмными стёклами от поклонников... Представляла на заднем сиденье ворох букетов, и ещё коробки с нераспечатанными подарками – там наверняка могли лежать драгоценные украшения...

Думая так, она смотрит только вперёд, на дорогу, и ни в коем случае не оглядывается. Хочет как можно сильнее окунуться в мечту, поверить в неё настолько, чтобы в какой-то неожиданный момент мечта вдруг стала неотделима от реальности. Не позволяет сомнениям отвлекать её от этих фантазий, потому как точно знает – сомнения всё портят, рушат, обесценивают. Сколько она знала таких вот актёров, усомнившихся в своей исключительности – все они сейчас прозябают в провинциях и уже даже не смеют думать о какой-то там славе и столице. Но она знает – она в самом деле исключительная, и настанет тот момент, когда действительно оглянувшись, увидит за спиной толпу фанатов, преследующих её машину. А вдруг заветный миг уже настал? Вдруг реальность с мечтой сольётся именно сейчас?

...Так думала она с надеждой всякий раз, когда приезжала куда-нибудь и надо было взять сумочку с заднего сидения. Сейчас она вздрогнула, потому что в самом деле увидела там подарочный пакет, перевязанный бантом. Растерялась даже, потому что совсем забыла, что бросила подарок Акима Аркадьевича сюда, а теперь сразу вспомнила, с досадой усмехнулась, отшвырнула его в сторону и взяла сумочку.

Лето выдалось тёплое и её терзала грусть от прозябания в этой дыре... Ведь в это самое время она, такая сногшибательная, могла зарабатывать миллионы и зрители могли замирать от одного только её взгляда. Пока не замирали и зрителей не было вообще.

...Она вышла из машины и зашла в свой любимый продуктовый магазин. Продукты здесь были дороже, вкуснее и качественнее тех, которые продавались всюду по городу в супермаркетах. В свежести она не сомневалась, потому что была здесь постоянной покупательницей, и так как продавцы её уже знали, то никогда не обманывали.

– Мне как обычно, – сказала она продавцу.

А обычно всего было очень много: она покупала здесь хорошую колбасу и настоящий сыр, который источал приятный аромат молочных сливок и таял во рту, не то, что другой, который был будто резиновый и который ели все обычные люди. Без бутербродов с сыром Лариса не представляла ни одного утра, а без колбасы – ни одного дня. Но это только сейчас, а потом, когда она наконец станет знаменитой и перестанет считать деньги, будет заказывать еду из ресторанов ещё более вкусную и дорогую.

Продавец неизменно ей улыбалась, всячески старалась угодить. Ларису это всегда весьма забавляло – тогда и вовсе она начинала играть роль эдакой богачки, что прямо-таки у неё получалось весьма убедительно.

– Как там погода? Дождя нет? – спрашивала при каждом

её визите сюда продавец.

Сначала такой вопрос приводил покупательницу в замешательство, после начал раздражать, но постепенно она осознала своё преимущество перед этой несчастной буквально привязанной к своему прилавку женщиной, и каждый раз с некоторой даже издёвкой, деланно умиляясь, рассказывала, как там солнечно и тепло, и как хорошо просто прогуляться по городу. После, забрав покупки, медленно смакуя каждый шаг, направлялась к выходу – при этом чувствовала спиной завистливый взгляд, но ей нравилось вот так дразнить, потому что она знала – продавцу совсем некуда деться, она не бросит свой товар и не побежит гулять следом за ней.

Всё в точности также происходило и сейчас, и она подчеркнута медленно взяла пакет, источавший дивно-вкусный аромат. В какую-то долю секунды момент этот показался ей каким-то ненастоящим – может даже устаревшим, слишком часто повторяющемся в прошлом, а потому будто утратившим даже какой-либо смысл. А может это так реальность уже сливалась с мечтой, и от этого появлялись такие странные ощущения. И пакет этот с продуктами был как будто ненастоящим, и захотелось даже его немедленно развернуть, надкусить одно и второе, но она удержала себя от такого порыва, представляя, как нелепо это будет выглядеть со стороны. Ведь вокруг сновали люди и они смотрели. Ощущать на себе взгляды являлось весомой частью её профессии, и очень часто в самом деле она придавала важное значение тому, как

смотрит на неё вот эта негласная публика.

Отыскала взглядом на парковке свою машину – за время её пребывания тут никакой добрый волшебник не подменил развалюху шикарным ягуаром... Оказавшись в салоне, она всё-таки немедленно откусила большой кусок сыра – едой она часто заглушала так неожиданно подкатывающую к сердцу тоску, хотя, впрочем, сейчас в самом деле почувствовала голод, и ещё хотелось всё-таки убедиться, что еда эта настоящая, ведь когда-то давно в юности и в детстве она не могла о такой даже мечтать.

Едва разжевав, проглотила сыр с наслаждением и откусила ещё.

Ехать никуда не хотелось, да особенно было и некуда. Работать летом она старалась поменьше, огородом не занималась, а друзья и вовсе казались ей каким-то ненужным аспектом жизни, и если она заводила с кем-то дружбу, только в том случае, если ей это виделось полезным и выгодным. Однако люди в последнее время стали чрезвычайно продуманными, использовать их удавалось редко, однако такие вот экземпляры, как Аким Аркадьевич, всё-таки ещё встречались. Она включила музыку в салоне – зазвучали почему-то детские песни, так сразу она не сообразила, то ли воткнула машинально какой-то диск, то ли это было радио. Однако песни узнала – в своём детстве она их слушала тоже, и тогда мыслями незаметно унеслась туда – в прошлое.

...Вроде с первого взгляда там было всё как у всех, немно-

го кукол, плюшевый медведь, галетное печенье и какао, но девочка плакала – там, в прошлом. Размазывала сопли по щекам и что-то торопливо говорила – будто себе самой. Никто не слушал, не обращал внимания, тогда она топала ногой – это тоже не срабатывало, отрывала медведю лапу – и это не помогало... Брала игрушечную посуду и будто взрослая бросала её об стену. В кукольных чашках была налита вода с чуть-чуть добавленными акварельными красками, в тарелках – смоченная разноцветной водой нарезанная бумага.

– Ты психопатка! – кричала на неё мать, видя как всё это разноцветье радужными полосами стекает по светлой стене.

Девочка, услышав это непонятное слово, начинала кричать ещё громче.

Тогда мать хватала её за руки и по старинке ставила в угол – но девочка не понимала, чего ради она должна там стоять, поэтому тотчас выходила, а после пристально наблюдала, не схватят ли её, чтобы поставить туда снова, скалила зубы, будто дикий зверёк, или может быть даже бешеный, норовивший укунить в любой момент.

– Чего она такая? – спрашивали её родителей разные люди, которые часто бывали у них в гостях.

Их лица маленькая Лариса не запоминала, а имена не знала и вовсе – для неё все они были надоевшими гостями, которые приходили непонятно зачем, никогда не приносили ей никаких гостинцев, даже всегда, как ей казалось, основательно мешали им жить.

– Психопатка она у меня, – всегда поясняла мать девочки и махала рукой в её сторону, а может быть махала на неё саму, этого так сразу было не понять.

– Из-за чего психует? – переспрашивали гости.

– Да по любому поводу, – бросала вскользь женщина и казалось, ей вовсе не важно, почему ведёт себя так её родное создание.

Несмотря на эти истерики дочери, она отворачивалась и продолжала с гостями свои скромные застолья.

Маленькую девочку раздражал запах спиртного – она не могла понять, зачем взрослые люди пьют эту дурно пахнущую гадость. И ещё ей становилось страшно, потому что повзрослев, ей предстояло пить то же самое. Но ей не хотелось, и поэтому не хотелось взрослеть, ведь взрослые, по её мнению, делали какие-то глупые нудные вещи, и ещё они все без исключения ходили на работу, и она вовсе даже не представляла, что можно делать там целыми днями. Наверняка там ужасно грустно и хочется реветь. И поэтому заранее от всех этих мыслей она тоже ревела. Они порой вот так внезапно захватывали её и мучили до тошноты. Но никак она не находила слов, чтобы объяснить, почему плачет.

Мать её всегда думала, что это просто так, без причины... То и дело давала девочке подзатыльники. Но Ларисе в самом деле никогда ничего не хотела, потому что всё и так было и многое, что хотела, она могла взять сама. Для этого всего лишь нужно было дождаться, когда разойдутся гости, а са-

ма мать уснёт... Тогда девочка потихоньку пробиралась на кухню, собирала пустые бутылки и прятала их, чтобы потом, когда не будет никого дома, спрятав их в большой пакет, отнести в пункт приёма стеклотары. Мелочи, которую ей там давали, вполне хватало на сладости и разные другие девичьи пустяки и она удивлялась, почему взрослые не делали также, ведь у них тогда всегда были бы деньги и на работу тогда не пришлось бы ходить.

Становясь старше, запросы её тоже возрастали и тогда она понимала, что денег, полученных за пустые бутылки, вовсе не хватит на жизнь. Помимо домашних застолий теперь она собирала их просто на улице и в подъезде, всё время досадуя, что их слишком мало, и никогда не сдашь на такую сумму, какую необходимо. К её отчаянию со временем стал ещё подмешиваться подростковый возраст, и тогда она закатывала уже настоящие истерики, отчего мать лупила её нещадно.

– Ты спроси, может быть ей что-то нужно? – спрашивали тогда у неё неизменно гостившие подружки.

– Всё ей нужно, – отвечала в порыве гнева мать. – И шмоток модных хочет, и косметику, только всё не такое надо, как у нормальных людей, а прямо непонятно какое необыкновенное. Да только где это взять и на какие деньги?

Юная Лариса после этих слов постепенно замолкала – недоумевала она, как мать её догадывается обо всех этих желаниях, ведь они никогда не обсуждают их. Или она всё-таки иногда проговаривается? Хотя наверняка мать догадывалась

об этом и без слов, бывая в комнате дочери, где все стены были увешаны фотографиями актрис. В самом деле поначалу мать это даже настораживало и она всерьёз беспокоилась, не лесбиянка ли её дочь, ведь обычно девочки любят плакатами с сексапильными кинозвёздами мужского пола. Но потом поняла, что дочь её всего лишь хочет им подражать, быть похожей на них. Чтобы прервать порой истерики дочери, делала колкие замечания.

– Размодничалась, – кричала она. – Куда тебе до такого гардероба! Посмотри на них и на себя!

И Лариса в самом деле смотрела – когда она делала макияж и наряжалась на дискотеку, выглядела порой, как ей казалось, даже намного лучше. Но ведь и все эти красавицы тоже были при параде, а переодень их в домашний халат, смой косметику – явно ничего не останется, будут обычными серыми мышами. Однако все эти как будто бы даже разумные мысли всё равно выводили её из себя, и она начинала реветь, начинала раскидывать всюду попадающиеся под руку вещи, выбрасывала тогда уже настоящую еду, которая казалась ей невкусной, а в ответ на замечания матери всегда материлась.

– Психопатка! – кричала по-прежнему мать, не зная теперь и вовсе, как повлиять на повзрослевшую дочь – ведь в угол её уже не поставишь.

Лариса теперь и вовсе не обращала внимания на это слово, казавшееся ей когда-то обидным.

– С таким характером наломает она кучу дров, – шептали

украдкой материны подруги.

– А и пусть, туда ей дороге, – отмахивалась та.

– Куда – куда? – не понимали подруги.

– В тюрьму, куда ещё-то... Избавлюсь хоть на какое-то время.

От таких подслушанных разговоров Лариса затихала, пыталась даже как-то вести себя поспокойней. Но теперь вдруг она услышала голос...

Сначала вздрогнула, потому что не поняла, кто это с ней разговаривает – голос был совсем незнакомый и пока она не могла предположить, откуда он звучит – из прошлого или из будущего. То, что в настоящий момент рядом с ней никого нет, она была уверена на все сто процентов. Таким голосом, чарующим и вкрадчивым, мог обладать только мудрец. Хотя, впрочем, могла ли она знать, как в самом деле говорят мудрецы? Ведь ни одного никогда она не видела воочию. Лишь только ждала какой-то знак свыше, который укажет ей путь к исполнению заветной мечты.

Стала внимательно и даже с несвойственным ей трепетом прислушиваться к звучащим словам. Слушать кого-либо было совсем не характерно для её натуры, и она разволновалась, стало ей даже как-то не по себе. Вариант, что голос этот звучит в её сердце, она сразу исключила, потому что тот голос она знала и часто внимала ему. Значит тут было что-то другое. Она вздрогнула, когда взгляд её остановился на крошечной статуэтке Будды – её она как сувенир привезла из

Индии, иногда оставляла дома, иногда брала с собой.

– Что происходит? Это и есть точка пересечения? – спросила она вкрадчиво, в унисон голосу собеседника.

– Не пойму, какую точку пересечения ты имеешь ввиду? – спросил её собеседник.

Теперь она уверилась, что правда с ней говорит сам Будда, со статуэтки она теперь не спускала глаз. Разволновалась ещё сильнее, однако в общем-то было прикольно и она решила не упускать этот шанс поговорить о главном. То, что собеседник у неё такой необычный, ничуть не смутило, ведь даже Саи Баба всегда говорил о материальности мыслей, о том, что любую мечту можно сделать реальностью.

– Я имею ввиду пересечение реальности с мечтой, – вразумительно ответила она. – Я жду тот момент, когда все мои мечты станут явью, а реальность останется грустным воспоминанием. Выйду я когда-нибудь из машины, а тут уже толпы поклонников и я пойму, что именно в этот день я проснулась знаменитой, проснулась в своей мечте.

– Для этого надо трудиться.

– Я тружусь.

– Этого слишком мало.

– Но по-другому невозможно... Город у нас маленький...

Захолустье.

– Надо расширять горизонты.

– Рада бы, но это дело случая и везения.

– Ищи свой счастливый билет...

– В лотерею что ли играть? Ха-ха! Не верю в такие выигрыши.

Маленький божок хихикнул тоже, но Лариса и так понимала, что совсем другое имеет он ввиду, а переспросила просто, чтобы поддержать разговор.

– Я просила у Саи Бабы для себя удачу, – сказала она, сомневаясь, может ли знать её собеседник такой важный момент из её биографии.

– У Саи Бабы ты просила мужа и он дал тебе то, что ты хотела, – сказал ей голос и она кивнула.

До этого момента она ещё не была уверена вполне, что её долгожданное замужество подстроили для неё высшие силы, думала просто, что может это обыкновенное стечение обстоятельств или банальный результат усиленных поисков. Оказалось – нет. Если бы шесть лет подряд она не ездила к Саи Бабе, до сих пор оставалась бы одна.

– Но ведь он умер, у кого мне теперь просить? – в отчаянии воскликнула она.

И тотчас спохватилась, подняла в машине оконное стекло, потому как некоторые прохожие с улыбкой изумления оглядывались на эту чудачку, которая о каких-то странных вещах разговаривала сама с собой.

– Бог не может умереть, – ответил ей голос. – Бог повсюду, Бог в твоём сердце.

Лариса поёжилась – уж не сектанты ли какие подбирались к ней таким вот образом. Посмотрела на телефон, но

он был отключен, других вариантов связи с ней в машине просто не могло быть. Тогда она снова посмотрела на статуэтку, усмехнулась даже недавнему наваждению, потому что явно эта крошечная безделица не могла издавать никаких звуков – сделанная даже из какого-то неизвестного материала, она была совершенно безыскусной, так что нисколько не казалась живой. Лариса убрала сувенир в сумочку, чтобы не отвлекаться от дороги, и сразу поехала.

Думала она почему-то о муже, ведь и в самом деле ей с ним несказанно повезло, нашла можно сказать прямо вторую свою половинку, потому что поняла в какой-то момент – без мужской поддержки в жизни ей будет чрезвычайно тяжело. Ещё видимо осознала свою слабость – и перед этим огромным миром, и даже перед собственной судьбой, от которой порой неизвестно что можно было ожидать. Хотя с этим её дорогим сердцу человеком они ещё не поженились официально, она была уверена, что когда-нибудь заветное событие обязательно случится. К тому же если однажды Высшие силы услышали её просьбу и помогли ей, вселяло надежду, что помогут они и в другой ситуации.

– Но если Бог не может умереть, значит я снова могу попросить что-нибудь у Саи Бабы? – задала она вслух вопрос, надеясь, что недавний собеседник захочет продолжить разговор и ответит ей.

Однако в этот момент слышала она в салоне своей машины музыку – по-прежнему звучали детские песни и она даже

растерялась, не могла вспомнить те два момента, когда выключила их и когда потом снова включила. Теперь уже осознанно нажала на кнопку и стало тихо.

Достала из сумочки спрятанную туда несколько минут назад статуэтку Будды – рассмотрела её внимательней и в очередной раз подивилась той безыскусности, с которой она была сделана – даже глаза тусклые и впалые поблескивали на свету, но ощущения, что она оживает вовсе не могло появиться ни у одного здравомыслящего человека.

– Саи Баба? Это ты здесь? – спросила тогда Лариса, снова пряча статуэтку.

Ответ ждала долго, гораздо дольше, чем можно его ждать от просто обычного собеседника. Потом ощущение реальности вернулось к ней, и рассудив, что Саи Баба просто не может спуститься с небес, чтобы поговорить с ней, а она видимо чрезвычайно амбициозная в этих своих ожиданиях, женщина поехала быстрее.

Теперь она с уверенностью определила, куда ей лучше всего проложить сейчас свой маршрут и кто без промедления и смятения ответит на все её странные вопросы – поехала к шаманке.

Не сказать, что она была хорошей знакомой, однако они общались какое-то время назад – та приходила к Ларисе в театральную студию, но подходящей роли для неё не нашлось. Лариса предполагала, что никогда и не найдётся. Она вообще не понимала тех взрослых, которые к ней приходили. Де-

ти – другое дело, они податливые, как пластилин, хоть что с ними делай – будут и пластика, и голос. Со взрослыми иначе – у них уже всё вылеплено, и возможно какое-то их творческое участие, если только совпадут типажи, а это всегда большая редкость и надо специально подбирать спектакль с соответствующими ролями, но этого Лариса никогда не делала для непонятно кого, она всегда имела дело только с проверенными надёжными людьми, которые или сами себя хорошо зарекомендовали, или их порекомендовал кто-то.

Шаманка, к которой она ехала, не подпадала под число ни первых, ни вторых. Однако она в какой-то момент произвела на Ларису очень сильное впечатление, внушила – правда может в любой ситуации помочь, разумеется, в такой, где на обычную человеческую помощь рассчитывать бессмысленно, где нужен опыт мага, если не сказать больше – волшебника.

У таких людей Лариса никогда не бывала и всегда считала, что к ним приводит исключительно крайнее отчаяние, хотя себя сейчас она не считала отчаявшейся, а думала наоборот – предупредит это ощущение, если помощь придёт вовремя. Шаманка ждала и открыла тотчас...

Из дома она выходила редко – клиенты приходили по звонку и без звонков. В основном женщины, подчас наивные, глупые, но не редко – амбициозные. Она охотно помогала всем, всегда даже давая определённые обещания. И люди верили, что это действует. Ларису она сразу узнала, и той

стало легко, хотя поначалу она совсем не знала, как себя вести и как рассказать о своих тревогах.

Интерьер шаманки с избытком переполняли всяческие магические атрибуты, так что даже у сомневающегося человека, пришедшего сюда, последние сомнения отпали бы тотчас – даже если она была шарлатанкой, искренне верила в свою магическую суть.

– Погадать? – спросила шаманка у Ларисы.

– Не знаю, – задумчиво отозвалась та.

Она в самом деле не знала наверняка, что именно ей нужно и так сразу не хотела переходить к каким-либо шаманским манипуляциям.

– А можно вызвать дух Саи Бабы? – спросила, чувствуя, что пауза в разговоре затянулась.

Шаманка смутилась и не смогла скрыть своё смущение. В самом деле ведь она не была актрисой, а если и хотела поучаствовать в любительском спектакле, даже это ей не удалось.

– Вызвать можно любой дух, вопрос в том – для чего и какими будут последствия, – ответила вкрадчиво.

За долгие годы работы с людьми она умела находить общий язык с разными чудаками и умела не спугнуть клиента.

– Я говорила с ним только что в машине, – запросто сказала Лариса, ничуть даже не предполагая видимо, что её слова могут звучать нелепо.

– Правда? – переспросила шаманка. – И ты уверена, что

это был именно он?

– Абсолютно.

– Вот как... Интересно... И о чём же вы говорили?

– О разном. О сбывающихся мечтах и успехе. Ещё о реальности.

«Да, темы актуальнейшие», – заметила шаманка, отмечая про себя, что в последнее время люди о реальности стали забывать.

– И что всё-таки он сказал – о реальности? – спросила уже вслух, терзаемая любопытством.

– Мы не договорили. Разговор прервался неожиданно. Вот я и хочу продолжить. А реальность... Реальность, к сожалению, редко пересекается с нашими мечтами. Только может быть в воображении.

Теперь шаманка успокоилась, убедившись, что гостя её мыслит здраво.

– Недосказанность – основная черта нашего мира, – философски рассудила она. – Сама жизнь всегда остаётся недосказанной... Остаются недоделанные дела, невыполненные обещания.

– Мне рано ещё об этом думать, – заметила гостя.

– Дух великого человека вызвать очень сложно, да и червато, расскажи лучше, что ты хочешь, может быть и так найдётся способ тебе помочь.

– Я хочу успеха! – не задумываясь, вскричала Лариса. – Хочу быть знаменитой на весь мир! И денег хочу – мно-

го-много!

– Все этого хотят, – скептически рассудила её собеседница.

– Не все, только избранные.

– Ты значит избранная? – переспросила она с некоторой заминкой.

Сначала шаманка хотела сформулировать вопрос по-другому и спросить, почему та таковой себя считает. Однако она разбиралась в людях, разбиралась в их психологических отклонениях и фобиях, и тотчас поняла, что с женщиной этой что-то не в порядке, скорее всего особа эта чрезвычайно опасная и агрессивная. А значит вести себя с ней следовало осторожно, и в то же время так, чтобы за свой визит она заплатила хорошо.

– Давай всё-таки посмотрим, какая у тебя судьба, – сказала шаманка заговорщицким тоном и потянулась к картам.

Лариса заволновалась, однако не стала противиться.

На самом деле она очень боялась узнать, какая у неё судьба, боялась, что там нет ничего исключительного, и полагала, если это всё остаётся пока в неизвестности, она может что-то изменить, а погадаешь, раскроешь все карты, и уже никуда от этого не деться – что написано на роду, то и свершится...

Шаманка перемешала колоду, потрясла мешочек с рунами, протянула клиентке.

Лариса боязливо взглянула, однако символы и картинки ей ни о чём не говорили. «Лучше бы вызвали Саи Бабу, он

всё-таки был воплощением Бога на земле и рассказал бы всё как есть на самом деле. Или нет – ведь он утверждал, что все люди волшебники и сами могут заполучить в своей судьбе всё, что угодно», – так думала она. А этим кубикам, вырезанным из дерева, и красочным картонкам, напечатанным в типографии, она как-то не очень доверяла.

...Немного шаманка рассказала о её прошлом – Лариса встрепенулась, потому что это совпало.

– Тебе сорок лет, лучшая часть жизни уже позади, – в довершении начатого подытожила она.

– Как – позади? – переспросила гостя и задумалась.

Понимала, что по сути так оно и есть, ведь прошла её молодость и в этой молодости не было никаких исключительных свершений. Или даже в общем-то и не важны свершения, молодость в самом деле сама по себе замечательная, хотя молодых – значительная часть планеты, поэтому молодость как преимущество невозможно использовать саму по себе.

– Что ждёт меня? – спросила Лариса и шаманка замялась.

Ведь для её клиентки вопрос этот имел особенную важность, а значит и ответить следовало весомо. Однако она по опыту своей жизни, как в общем-то и по практике гаданий знала – своё будущее человек строит сам, а прошлое в общем-то тоже когда-то было будущим, и получается, к этому своему прошлому человек тоже приложил руку. Но люди не менялись, это было давно известной для всех аксиомой, и,

следовательно, каким было у человека прошлое, таким ожидалось и будущее. И повторяя порой уже сказанное, шаманка не ошибалась никогда.

– Не ждёт тебя в общем-то ничего особенного, тихо и мирно будешь жить в этом городе, спокойно работать, и все твои попытки достичь какого-то успеха окажутся не очень удачными.

– Но всё-таки что-то получится? – с тревогой в голосе спросила клиентка.

Шаманка напугалась этой её тревоги – яркие огоньки разглядела во взгляде, заметила, как губы, задавая этот вопрос, дрогнули. Показалось даже, Ларису в этот момент охватывает безумие, и шаманка торопливо вытащила ещё несколько карт, вспоминая, какой прямо-таки агрессивной представилась ей эта женщина в начале их знакомства.

– Если есть стремление, будет результат, – поспешила сказать, чтобы не пробудить ещё больший гнев. – Вопрос – сколько усилий следует приложить для этого.

– Я очень стараюсь, но неужели всё впустую?

– Один в поле не воин.

– Согласна, но у меня есть помощники.

– Видимо, не те...

– Может быть их мало и может быть они впрямь слабы, однако они меня любят.

– Любовь – это хорошо, но любовь не оправдывает слабость.

– Да? А ведь точно... Об этом я что-то не подумала.

– Подумай! Армия должна иметь сильных воинов, иначе не победить... Однако воин не может быть сильнее генерала, но если такого найдёшь...

– Я что-то не очень понимаю эти иносказания, – перебила Лариса.

– А что тут понимать? Не можешь сделать сам, сделай чужими руками. Рассчитывай на меня!

– Правда? Мы всё-таки значит вызовем дух Саи Бабы?

– Нет, мы сделаем круче – мы своруюем чью-нибудь судьбу.

Шаманка в этот момент для убедительности замолчала.

Она знала – любое магическое действие обычному человеку по началу очень сложно принять. Требуется время на раздумья, на сомнения. Однако она вдруг заметила, как Лариса оживилась, поняла – та вовсе не сомневается, а что-то другое весьма странное происходит в её сердце. Но Лариса всё-таки слегка смутилась. Хотя всего лишь на какой-то миг. На самом деле она молчала вовсе не потому что размышляла, а предположила вдруг нелепое – подумала, что их разговор сейчас может подслушивать кто угодно свыше, ведь там, где живут шаманы, внезапно может появиться любой дух... Даже её любимого Саи Бабы. Интересно, что он сказал бы по этому поводу, одобрил бы такую затею или нет. И она молчала, ожидая, что может услышит его голос.

– Так что? – спросила наконец шаманка и клиентка её вздрогнула.

– Думаю, стоит попробовать.

– Отлично, – шаманка потёрла руки. – И я даже знаю, чья судьба сгодится для этого.

– Правда?

– Есть в твоём окружении одна особа – чрезвычайно талантливая и успешная, её судьбу мы и возьмём.

– Но как?

– Сейчас она даже выпала тебе на картах. Ей угрожает смертельная опасность, не знаю точно какая, хотя остаётся шанс, что она выживет. В таком случае у неё как раз и случится исключительное событие в жизни. А мы постараемся, чтобы оно не случилось.

– То есть, чтобы она не выжила? И тогда можно будет сделать так, чтобы о чём я мечтаю, случилось у меня?

Шаманка даже удивилась, как быстро гостя смогла догадаться, каким образом можно воплотить эту коварную затею. И похоже это её ничуть не шокировало. Хотя от волнения она конечно много присочинила, но думала – сейчас это совсем не важно.

– Дорого будет стоить? – спросила Лариса.

Она знала – абсолютно всё в этом мире покупается и продаётся. Да где только было взять такие деньги, чтобы купить и необходимое, и желаемое...

– Сейчас заплати мне только за гадание, – сказала шаманка. – Ну а дальше, как говорится, услуга за услугу.

– Что ты хочешь?

– Ты знаешь... Хочу выступить в спектакле...

– Да?

Лариса рассеянно заглянула ей в глаза – в первый раз за всё время их беседы. Просто до этого ей было страшно разговаривать с такой вот своего рода представительницей тьмы, а теперь она поняла – оказывается та по своей главной сути тоже обыкновенный человек, обычная женщина, со своими амбициями и желаниями.

– Хорошо, – ответила она снисходительно. – Ты выступишь.

И теперь она чувствовала, как в этом разговоре главенство перешло на её сторону, и от этого стало приятно и хорошо. Поняла она, раз затея эта денег не будет стоить несколько, значит в случае, если обманут её, обманет и она. Взгляд скользнул наконец по комнате, и среди сертификатов на оказание магических услуг, дипломов с различных семинаров и прочего, разглядела она несколько давнишних театральных фотографий, однако не стала всматриваться в них и задавать вопросы, выясняя подробности. Чужие мечты ей были никогда не интересны. А потому она рассудила: уж если договорились, значит по рукам, и расплатилась только за гадание.

Глава 3

Аким Аркадьевич не любил возвращаться домой. Где бы он не находился в течение дня, везде ему казалось лучше, чем в четырёх стенах чужой квартиры. Именно чужой, потому как, во-первых, квартира эта была собственностью жены, а во-вторых, он просто-напросто так привык с детства.

Лучше всего чувствовал себя в лесу...

На работе тоже было хорошо, никто рядом с его кабинетом не шумел и не заглядывал без особой нужды. Да только и лес, и работа, как он очень хорошо понимал, не могли оставаться для него прибежищами души до конца жизни – он уже очень ощущал свой возраст и с работой справлялся с большим трудом, а в основном и не справлялся вовсе, но Лариса, как его самый близкий друг, всегда прикрывала и просила кого-нибудь помочь, чтобы работу сделали за него, а в лес он и вовсе ходил редко – сильно уставал и боялся, что сядет там где-нибудь под кустом и больше не встанет.

Возможно отвращение к четырём стенам у него возникло ещё в детстве, когда он жил с матерью в коммуналке, хотя тогда он особенно не понимал, что ненавидит больше всего – соседей или этот удручающий быт, ограниченное пространство для жизни, а может всё сразу, потому что всё это сочеталось вместе. Ещё он ненавидел весь мир – за то, что кому-то доставались лучшие условия для жизни, меньше про-

блем и больше радостей.

Когда женился уже в очень зрелые годы, думал, многое в его жизни сразу изменится, и теперь в старости основательно осознал – перемены эти зависели от него, но даже если в какие-то моменты кто-нибудь пытался ему помочь повернуть в какую-нибудь сторону на сомнительном перекрёстке, он неизменно останавливался: может не верил своему спутнику, а может не хотел идти туда, куда его звали. В основном в чём-либо убеждала его жена, но он считал почему-то, что слушать жену как-то несерьёзно, в конце концов это ведь не любимая женщина и не мать, так какое она имеет право распоряжаться его жизнью.

В коридоре на него накатил аромат чего-то жареного и немного принюхавшись, он сразу определил – это грибы. Видимо жена с дочерью сходили в лес сами, ведь он им никогда ничего не приносил, да и зачем в самом деле плутать в чащобе из последних сил ради двух этих ставших ему уже совсем чужими женщин. Однако жареных грибов он тоже вдруг захотел и решил, что теперь, раз они пошли, надо немедленно идти в лес – прямо даже в ближайšie выходные.

Скрыться в своей комнате так быстро, как он намеревался, у него не получилось – пока нагнулся и расшнуровывал ботинки, из кухни вышла жена.

– Какие грибы пошли? – спросил он машинально, будто у постороннего человека.

Впрочем, именно у постороннего человека наверняка он

спросил бы об этом так же – тема эта для него сейчас была особенно интересна.

– Маслята пошли, обабки и белые, – сквозь зубы процедила женщина, будучи видимо сильно не в духе.

– Белые это хорошо, – будто сам с собой проговорил Аким Аркадьевич.

– Будто ты и сам не знаешь, какие сейчас грибы, – фыркнула женщина, переходя на крик. – Сам вон наобещал какой-то там Ларисе белых грибов, хоть раз бы и нам принёс на гостинец, ведь вроде не чужой, в семье живёшь.

«В какой такой семье?» – промелькнуло в мыслях у него, однако большим потрясением было услышать имя дорогой женщины из уст этой соседки по коммуналке, к тому же он недоумевал, чего ради должен приносить что-либо этим совсем посторонним людям, хоть и живущим с ним под одной крышей. В детстве ни к нему, ни к его матери соседи не предъявляли никаких особых претензий и уж подавно ничего не требовали. Избегали, не любили – да. Но грибов не просили.

Он стоял как вкопанный, не зная, что ему на это ответить, моргал. Чувствовал, что эта ситуация какая-то странная, будто прошлое каким-то неожиданным образом переплетаясь с настоящим, теперь всё время мешает ему здраво воспринимать происходящее. И какой-то рычажок вдруг щёлкнул в его сознании.

– Схожу, – сказал он, дивясь самому себе.

– Вот-вот, сходи, – закивала женщина. – И бочок в туалете надо бы починить.

«Так сантехника вызовите», – хотел было сказать он, однако ничего не сказал, и без того устал от разговоров на работе, а теперь хотел просто побыть один, помолчать, и может быть почитать что-нибудь из старых любовных романов.

В комнате на глаза ему попала большая консервная банка – из-под солёных огурцов бочкового посола. Взял он эту банку в магазине некоторое время назад сам не зная зачем, просто увидел – пустая, и решил – пригодится. Теперь даже обрадовался, потому что подумал, что в общем-то очень легко выкрутится из этой ситуации и утрясёт всё с туалетным бочком. Быстро проделал шилом отверстия с двух противоположных сторон, продел через них бельевую верёвку – получилось правда нелепо и по-дурацки, однако на ведро было вполне похоже и пользоваться им можно было запросто.

– Вот, – протянул он жене, выйдя из комнаты.

Она всё ещё стояла в коридоре, о чём-то переговаривалась с дочерью, причём очень громко. Аким Аркадьевич усмехнулся – порой вели они себя вот так, будто и правда считали его членом своей семьи, так что даже любопытно было их послушать. Но сейчас они говорили о грибах и в общем-то это было ему совсем не интересно.

– Что это? – спросила жена с усмешкой.

– Ведро, – ответил он совершенно холодно.

– Зачем?

– Это... Вместо бочка – в туалет.

– Ты совсем свихнулся, что ли? Устроил тут чёрт знает что!

– Да нормально всё... Если не работает... Воду перекрыть, и всё – сгодится.

– Ага, сгодится ему. Скажи ещё, что на твой век хватит.

– Ну, может и сказал бы. Да, впрочем, и на твой хватит, – пробурчал он уже себе под нос, думая о том, что зря вообще вызвался помочь, ведь с работы пришёл усталый и есть хотел, вот и отдыхал бы, и ел.

Сто раз зарекался и думал обходить все подобные ситуации стороной. Теперь прислушался. Судя по звукам, доносившимся из-за двери, жена сейчас пинала его ведро и направлялась в кухню – значит туда сейчас точно нельзя идти, вся эта ругань продолжится, и он прикинул, чем можно сейчас перекусить всухомятку. Достал консерву «Килька в томатном соусе», отрезал хлеба. Ещё у него была родниковая вода и её он размешал с вареньем – вместо чая. Поел и как-то спокойней стало на душе. Был у него и целый мешок карамели – в последнее время вообще хотелось только сладкого и спать. Шоколадные конфеты он никогда не покупал – они стоили дороже и заканчивались быстрее.

Теперь вспомнил про «Красную шапочку». Не знал даже, с чего начать и как подобраться к дочери, чтобы узнать у неё всё, о чём просила Лариса – с дочерью он не разговаривал не то что последнее время, он не разговаривал вообще никогда,

не заметил даже сам, как вот так сложилось у него в жизни.

...Началось всё давным-давно, ещё с самого её рождения, тогда жива была его мать – она и выбрала имя для будущей внучки. Однако ребёнка назвали по-другому, и такую внучку она не приняла, всячески старалась повлиять на Акима, чтобы тот тоже относился к новорожденной сдержанно. Да он и так особо не нуждался в детях, и жена его не слишком обременяла отцовскими обязанностями.

Теперь лишь было обидно, что относились в нему не так, как он того хотел, не уважали... Впрочем, вот чёрт, от того, как в последнее время мешалось прошлое с настоящим, он порой чувствовал себя глупо и ещё может быть беспомощно, как старый покалеченный жизнью лесной зверь, намеренно забившийся в самую глушь лесной чащи, и после роптавший перед этим лесом, перед его величием, потому что на самом деле по сути и звери, и люди – существа одного порядка: и те, и другие в жизни берегут свою шкуру и заботятся о своём желудке, а молодняку до поры перепадает больше, чем старикам.

Он снова подумал про «Красную шапочку» – давненько не ел эти конфеты. Теперь, сытый, он рассудил, что зря записывает себя в старые маразматика и что-то из прошлого возвращается в его жизнь вовсе не просто так. Вот зашла речь о конфетах, а следом он вспомнил как раз про ведро. Хотя прежде ничего из своих детских лет не вспоминал вовсе, а многое даже совсем забыл – просто ещё с надеждой смотрел

вперёд, в будущее, рассчитывая, что там как-то основательно изменится его жизнь.

Немного попутешествовал и всегда приезжал воодушевлённый. В какой-то момент осмелился даже поменять работу и уволился с завода – в последствии ничуть не жалел, потому что везде оказывается жизнь протекала совсем по-разному, и стоило лишь сделать шаг в сторону, как всё могло основательно поменяться. У него и поменялось, он вот встретил Ларису, и ходил теперь на работе не в грязной спецодежде, а в дорогих пиджаках, подаренных заезжими звёздами сцены.

– Аким Аркадьевич, пряники берите, они свежие, для вас купила, – слышит он дорогой сердце голос, поднимает голову – Лариса.

Сам уже даже не заметил, как вот так вдруг оказался на работе, и ночь прошла.

Вспоминает, что после холодного чая из варенья закрылся в комнате, зачитался и уснул. Утром, ещё сонный, встал пораньше, чтобы никто до него не занял ни ванну, ни туалет, да и на кухню уже хотелось попасть в конце концов, чтобы в одиночестве приготовить там себе горячий завтрак.

Всё это проделать успел, однако на работу пришёл совсем сонный и ноги заплетались.

– Рано ты сегодня пришла, – говорит он Ларисе и берёт пряник.

– Да вроде как обычно, полдень уже скоро, – отзывается она и достаёт ещё из сумочки упаковку дешёвого чая. – Ско-

ро вот стану знаменитой, разбогатею, и уже буду пить только дорогой.

Она мечтательно улыбается и он тоже.

Думает, что и сам когда-то грезил чем-то особенным и верил – уж его-то судьба не обделит ничем. Вполне ему хватило детства в коммуналке и бутербродов с маргарином, так что начиная прямо с юности день ото дня пребывал он в каком-то ожидании грядущего чуда. Хотя, впрочем, как и у остальных людей, чудесное это маячило на горизонте банально – прямо как мираж, но приблизиться не давало. Это леший да кикимора к нему подбирались запросто, хотя, впрочем, они тоже были из разряда чудес.

Сейчас разговор с Ларисой как-то не клеится... Он чувствует – от него что-то ждут. Однако рассказывать небылицы не спешит – ничего просто-напросто сейчас не приходит в голову. Обсуждать сплетни коллектива тоже не хочется лишний раз, и сейчас, как ему кажется, его застали врасплох в тот момент, когда очень хотелось побыть одному, наедине может быть даже со своей старостью и по-своему не сложившейся жизнью. И чай он бы попил даже без этих вот пряников, однако Лариса прямо-таки настаивала и он догадывался, почему.

– С дочерью ещё не говорили? – спрашивает она.

Он радуется даже этой теме, потому что предполагает – она заговорит про грибы, ведь наверняка видела их уже на рынке, так он её обрадует, скажет, мол, собираюсь...

– Не виделись ещё, – отвечает он, имея ввиду дочь.

– Как так? Разве вы не вместе живёте? – спрашивает Лариса.

По-дружески конечно он мог бы ей довериться вполне, однако иногда, как ни странно, у него пробуждался здравый смысл, и готов он был посторонним жаловаться на какие угодно семейные неурядицы, только не рассказывал, что жили они все по разным комнатам. Хотя не потому, что это было стыдно. Просто коммуналки в их времена уже давно ушли в прошлое.

Он молчит, не зная, что придумать, чтобы соврать, да и оправдываться не хочет.

– Обещал, значит сделаю, – только и говорит, а пока его собеседница не успела ничего спросить, добавляет. – Ты не смотри, что я плохо одет, зато я хорошо воспитан.

Лариса смеётся – натянутым неестественным смехом. Не знает видимо, как реагировать на эти слова – то ли они сказаны в шутку, то ли человек, их сказавший, и правда столь наивен. Кокетливо достаёт из сумочки две конфеты. Аким Аркадьевич бросает взгляд и сразу узнаёт этот жёлтый фантик «Красной шапочки».

– Авансом, – говорит Лариса.

Теперь уже решено – она ни за что не отстанет от этого человека, потому что шаманка сказала ей главное: исключительная судьба как раз у его дочери, а если с ней у него настолько плохие отношения, что он так запросто готов пре-

дать эту свою родную кровь, всё это Ларисе очень на руку и теперь она ещё больше уверена в своём грядущем успехе.

– Да вы уж постарайтесь, коль воспитание позволяет, – смеётся она ещё громче.

Однако Аким Аркадьевич её уже не слушает – разворачивает заветную конфету.

В общем-то сейчас эти конфеты вовсе не какой-то там дефицит и он вполне может покупать их сам, но не покупает – они для него будто что-то священное, какая-то особая награда, которую можно заслужить и получить бесплатно.

Лариса в этот момент прямо умиляется им и рада, что судьба послала ей такого человека. Ведь любые встречи и знакомства, как она считает, случаются в жизни неспроста. И человек должен, словно полый бамбук, впитывать в себя всё, что встречает на своём пути. Об этом даже во всех русских сказках рассказывается: катился колобок, катился... Сказки эти она знала хорошо, часто читала и инсценировала со своими младшими театральными группами. И часто сама повторяла, пытаясь воплотить их наяву. Вот встретила шаманку – послушала. Теперь ей поможет Аким Аркадьевич. Хотя для неё самой семья была святым явлением, а родители и дети просто не могли быть плохими, и не важно, какой они образ жизни вели и к кому как относились. В любом случае – это своё, родное.

...Свою мать и своего отца она почитала особенно, несмотря на то, что ещё в детстве они поставили ей неприят-

ный диагноз – психопатия. Хотя может и не диагноз это был вовсе, а просто обзывали её так по невежеству своему. Сына единственного Лариса любила сильнее всего в жизни, сейчас ему было четырнадцать и вырос он ужасно избалованным лоботрясом. Но всё это были её родные люди и сама она не позволила бы себе предательства по отношению к ним. Да и они в общем-то относились к ней тоже порядочно. Это вот у Акима Аркадьевича не было семьи, но именно такие вот недалёкие и недальновидные неудачники всегда способствуют чужому счастью.

– А в школе вы умели решать уравнения? – спрашивает она у него неожиданно.

Он теряется, не знает, что и думать – к чему этот вопрос.

– У меня была пятёрка по математике, – говорит задумчиво, разворачивая вторую конфету.

– А я не любила учиться и прогуливала уроки, мне было скучно. Хотя твёрдую тройку всегда удавалось получить.

Предполагает он, что ей интересно будет узнать о его школьных годах, начинает что-то рассказывать, но она перебывает.

– Вы были счастливы, когда получили аттестат хорошиста? – спрашивает вкрадчиво.

«Разве можно быть от этого счастливым или несчастным, – думает он, – это ведь просто оценки и по сути они не решают в жизни ничего, не делают человека более или менее благополучным».

– После выпускного я немного поработал киномехаником, потом ушёл в армию, вернулся, устроился на завод, а про школьные годы и вовсе забыл, – вкратце рассказывает он.

– Получается, цель не стоила того? – спрашивает она то ли этого своего недалёкого собеседника, то ли кого-то ещё, кто мог незримо присутствовать здесь.

Вопрос этот давно её волновал – она то и дело задавала его разным людям. Но ответа либо не получала, либо вовсе её не устраивало то, что ей говорили.

– Да это в общем-то не было целью, – отзывается он. – Так, само шло. Это у тебя вот есть цель, ты хочешь стать знаменитой. Не пойму только, почему ты до сих пор тут, в этом городе, что здесь держит?

– Дурацкое стечение обстоятельств, – фыркает она и думает, что совсем не просто на самом деле сбежать из этого Захолустья.

– В самом деле – Захолустье, – будто читая её мысли, повторяет за ней Аким Аркадьевич, и она вздрагивает.

Порой её кажется, что устами разных людей с ней говорит сам Будда, однако в основном она старательно отгоняет это наваждение...

– А решите для меня уравнение, – просит теперь.

Аким Аркадьевич покорно кивает, протягивает ей листок бумаги, подразумевая, что она напишет задание – ведь у неё сын-школьник, скорее всего это он не может что-то решить.

– Это житейская задачка, не из учебника, – отодвигает она листок.

Он увлечённо поднимает брови.

– Да, да, её загадала мне сама жизнь.

– Интересно...

– Чему равна цена успеха?

– Ну, наверное, цене жизни, – не задумываясь, отвечает Аким Аркадьевич, для него успех всегда представлялся чем-то огромным и недостижимым, что просто так не возьмёшь голыми руками.

– А чему в таком случае равна цена жизни?

Это был провокационный вопрос, и читая прежде разные криминальные и любовные книги, Аким Аркадьевич, следуя написанному там, мог бы порассуждать двояко: с одной стороны цену жизни составляют деньги, которыми человек обладает, с другой – в основе может быть природная красота и личные достижения. Но прикинув, он понял, что Лариса не обладает ни одним из этих качеств, а значит и жизнь её – не стоит ломаного гроша. Так что если цену жизни равнять с ценой успеха, ничего Ларисе в жизни вовсе не светит... Но он не говорит ей об этом.

– Вот и я ломаю голову, решаю уравнение, – грустно повторяет она. – Надеюсь, вы для меня его решите.

– Решу, – охотно соглашается он.

Ему в самом деле хочется помочь ей в этом и он уверен – у него получится.

Однако она знает и без посторонних, каковы неизвестные в этом уравнении... Уверена даже, что он до этого никогда не додумается – другое поколение. Зато она знает наверняка, что в большинстве случаев цена успеха – это магия и предательство.

Новая задача Акиму Аркадьевичу нравится весьма. Даже вспоминаются школьные годы – он с детства был любознательным и всякие знания давались ему легко. Сейчас он размышляет. В самом деле, если цена успеха – это цена жизни, здесь должно быть даже не одно, а сразу несколько неизвестных. Что могло сыграть свою роль? Несомненно – место действия, прямо как в спектакле. Однако он ни разу не видел Ларису на сцене, не представлял даже, какая роль могла бы стать её амплуа. Хочет теперь спросить её об этом. Но вдруг, очнувшись от своих размышлений, видит, что её рядом нет... И вообще он идёт один по старой заводской улочке, прилегающей к рабочему району. Видимо поэтому на него и нахлынули воспоминания о детстве – здесь он рос, здесь учился.

...Школа-девятилетка ещё стояла на своём месте, а вот дом многоквартирный, в котором жили они с матерью, давно снесли – здесь тоже теперь была территория завода, так что даже ни одного камня не осталось от фундамента и на родную землю никак не получилось бы ступить.

Пройдя по этой улице, можно было выйти в лес, и сейчас с

рюкзаком и в высоких резиновых сапогах он шёл именно туда. Какие-то кусочки действительности, выпадающие из его жизни, некоторое время назад чрезвычайно волновали, но потом он подумал, что это от старости и в его годы наверняка у всех случается склероз. Случалось ему удивляться, когда обнаруживал он себя где-то в неожиданном месте и совсем не помнил, как тут оказался и как ушёл оттуда, где находился незадолго до этого.

– Это не от старости, а от неосознанности, – часто повторяла ему Лариса.

Но он не прислушивался к таким её словам, полагая, что излишне она увлекается всякими мудрецами и философами.

– Эй, бабай, ты что ли? – услышал он своё прозвище юных лет.

Вздрагнул, остановился.

Присмотрелся к человеку, который его окрикнул. Смутно узнал. Подумал, как всё-таки безжалостно с людьми обходится время.

– Я, – отозвался в конце концов, потому как всё равно их никто не слышал, и можно было не стесняться канувших в прошлое кличек.

– Как поживаешь? – спросил встреченный.

Был он на несколько лет моложе Акима Аркадьевича, жил раньше в соседнем доме и знакомы они были по дворовой компании, хотя близко никогда не дружили. Да и вообще у Акима Аркадьевича близких друзей не было никогда.

– Нормально живу, – отозвался он, потому как что ещё ответить на такой вопрос.

– А Завалинка наш уже не живёт, умер, слышал наверно?

– Откуда? Я же здесь только мимо хожу.

– Да вот, прошлой осенью...

Аким Аркадьевич не любил подобные разговоры, и поэтому пошёл быстрее, чтобы собеседник отстал, однако тот упорно хотел поговорить, и увязался за ним, пошёл следом.

– В лес что ли пошёл?

– Ага...

– Хм... Ты и раньше всё по лесам ходил... Любитель одиночества. Кикимора тебя там ещё не соблазнила?

– Я за грибами.

– Да, видел, продают уже... А помнишь ты раньше у нас всё в шестёрках был?

Аким промолчал.

– Правильно, в нашем-то Захолустье все способы хороши, чтобы как-то утвердиться в жизни. А ты, как я слышал, никогда ни в чём не нуждался.

«Нужда живёт не в кармане, нужда живёт в сердце», – вспомнил он слова Ларисы. Часто она говорила с ним по душам, и он решил впредь внимательней прислушиваться к её словам. В самом деле, надо каждый шаг в жизни делать осознанно, хотя много ли осталось у него таких вот шагов... Сколько он ходил по лесам – их было не перечесть, однако сейчас он имел ввиду шаги другие. Ещё подумал, как это

обидно, когда тебя называют шестёркой, хотя впрочем за всю жизнь ни в каких ситуациях он не считал себя таковым. Просто жил, как получалось, а оказывается, со стороны это выглядело не очень хорошо.

Этот навязавшийся ему собеседник всколыхнул что-то давно умершее в его душе, и он даже не знал уже названия этому ощущению, потому что давно его не испытывал. Возможно это была совесть, но она пока молчала, не спешила с ним заговорить, а потому он шёл молча, будто ожидая ещё продолжения разговора, и уже не важно было, кто его продолжит.

– Мэр-то наш сбежал... Тоже слышал наверно? – спросил у него попутчик.

– Да, кто-то говорил, – отозвался Аким, хотя на самом деле ничего такого он не слышал, но всегда в любом разговоре старался казаться знающим.

– Вот так вот – прихватил все городские денежки и ноги в руки.

– Поймают...

– Кто его догонит? Он небось уже за границей, где-нибудь в Европе особняк купил на берегу моря... А у нас так, Захолустье...

«Куда нам до Европы-то», – задумался Аким, и ещё подумал, что его собеседник как был недалёким в юности, так и до сих пор наверняка не очень разбирался в географии.

– Ты, как я слышал, поездил, попутешествовал, – сказал

он.

Акиму Аркадьевичу это польстило, он любил рассказывать о своих поездках, козырять ими.

– Да, – ответил с довольным видом. – И в Европе был, и у арабов.

– С семьёй ездил?

– С дочерью.

– О! Она у тебя прямо звезда, везде – и в газете, и на экране: хорошую работу нашла...

На это Аким заулыбался – будто забыл даже, какие у них отношения. Как-то не придавал этому особенного значения, рассуждал, что дочь она и есть дочь, и вести себя с ней можно как угодно, в любом случае ведь он её отец и ей следует принимать его любого. В самом деле – родителей не выбирают. С Ларисой было всё по-другому – она была просто другом, а друзьями, как он знал, надо дорожить.

– Ты чего не остался там, за бугром? – спросил его собеседник.

– Мне и здесь неплохо.

– Правда? А чего здесь хорошего?

– Лес вон рядом...

– И только. Хотя тебе и раньше кроме леса ничего было не нужно. С лесим там дружишь, что ли? Хи-хи...

– А что? Весьма надёжный друг...

– Тогда привет передавай.

– Он тебя не знает.

– Согласен, не знает, я бы вот тоже рванул отсюда, но куда и не на что.

– Так ты в мэры иди, место пока свободно, там и деньги будут.

– Ха-ха, точно, а ты остряком стал в самом деле... Рвать надо из этого Захолустья...

«Кому ты где нужен», – подумал про себя Аким, и ещё подумал, что любое место жительства при длительном пребывании откладывает на людей определённый штамп, так что прижиться в другой среде уже и не получится. И тут же подумал о Ларисе... Забеспокоился – как бы не уехала. А потому решил помогать ей во всём лишь бы она оставалась здесь.

Дальше со своим собеседником они попрощались и как ни странно, он запомнил этот момент. Запомнил, как дошёл до леса и этот лес встретил его привычным шумом берёз.

...Сначала человек долго прислушивался к этому шуму и принюхивался к аромату выросшей уже по-настоящему крупной летней листвы, хотя утончённый берёзовый аромат ещё сохранялся в воздухе. Но всё же весной он был намного сильнее и каждый раз весной Аким наслаждался им, как наслаждался вообще этим всеобщим пробуждением природы, удивлялся, как другие люди этого чуда не замечают, не обращают даже внимания. А ведь берёзы в самом деле пахнут удивительно и ни с чем не сравнимо! Хотя возможно у других людей есть свои другие важные дела, работа, какие-то цели в жизни, другие ароматы, более явные и навязчивые – на-

пример, автомобильный бензин и парфюмерия. Так что при их смешении натуральная природа уже отступает на второй план. Но для тех людей, которые были по-настоящему дороги сердцу, Аким Аркадьевич готов был подарить всевозможные чудеса, равно как и открыть всевозможные их ароматы.

Сейчас он рассчитывал, что грибов наберёт много, вот только идти предстояло далеко. Но он верил – любовь к Ларисе придаст ему силы, ведь она для него как раз тот единственный человек, для которого он не пожалеет ничего, поделится даже этим своим сокровенным берёзовым раем... Он постоянно объяснял ей, как хорошо бывать на природе, и она правда слушала, ему же в свою очередь твердила про эту свою осознанность... И он правда замечал, что если обращать внимание на каждый шелест, на каждое касание ветра, ощущения от жизни становятся полнее и ничего уже не забывается, а каждое мгновение сберегается в памяти.

В березняке попадались только маслята, их Аким тоже собирал, но для себя – с детства ещё привык к жареной с грибами картошке. Тогда, когда они жили с матерью, это блюдо было у них прямо праздничным. Да и лето вообще было праздником – светлым и вкусным: с ранней весны, с первых дней, ознаменованных берёзовым соком, до поздней осени – до последних груздей и настойки из красной рябины. Тогда бутерброды с маргарином оставались в их зимних кошмарах, а в своей коммунальной комнате они и вовсе находились редко, даже ночевать в тёплые дни оставались в лесу –

иногда, когда забредали далеко, делали настоящий шалаш, но в основном спали в походном мешке.

Оказываясь в лесу, Аким всегда забывал и о своём возрасте, и о том, кем был в этой жизни – просто чувствовал себя частью природы, ещё завидовал берёзам, ведь если маленькое деревце никто не сгубит, вырастет оно огромное и простоит дольше века. У людей всё по-другому... В молодости, торопясь жить, каждый норовит сгубить себя сам, в зрелые годы все спохватываются, да только уже поздно что-либо менять.

Дальше березняка начинался еловый лес.

Здесь как раз и росли белые грибы... Точно зная, где восходит солнце, сложно было заблудиться, хотя протоптанных тропинок не было и трава доходила до пояса. Но ведь там, где оказывались люди, как правило уже мало оставалось чего-либо хорошего.

С собой Аким взял немного продуктов, чтобы перекусить хотя бы несколько раз: взял чай в термосе, несмотря на то, что было жарко, ещё две рыбные консервы, варёные яйца, свежие помидоры и хлеб... Несколько карамелей с начинкой, чтобы было веселей идти. Яйца сварил с вечера и именно сейчас вдруг вспомнил тот момент на кухне – в квартире всегда он всё делал настолько машинально, что не придавал значения всему происходящему, пропускал мимо ушей чужие слова. Возможно уже просто этот быт за долгие годы вошёл в привычку, и он даже не знал, хотел ли что-то поменять

в самом деле. А может такое подавленное настроение появилось у него, потому что поменять что-либо было невозможно.

Вспомнил, как обрадовалась жена, догадавшись, что он собирается за грибами.

Сама она в лес не ходила уже давно, время старило её ещё безжалостней, чем его – ноги болели да и заблудиться боялась. Но ведь была ещё дочь – уж она то могла сходить в лес принести матери грибы, не зря ведь её ребёнком он учил отличать съедобные от ядовитых. Но нет, не хотела идти. Да молодёжь и вообще наверняка не ходила уже в эти новые времена в лес. Так что главным было не показать им, что он насобирает, а значит сразу после леса белые грибы следовало отнести Ларисе, но маслят его жена не любила, так что их можно было не прятать. Вот только вернётся он уже ближе к полуночи – и после леса, и после гостей. Завтра предстоял ещё один выходной день, так что Аким планировал весь его провести на диване – заранее был готов к тому, что чрезвычайно устанет после похода.

Сейчас он присел на поваленное дерево, примял рядом траву и положил туда рюкзак. Достал чай, консерву, хлеб. В рюкзак положил мешок с маслятами, потому что больше их не планировал собирать, теперь предстояло искать белые грибы. Хотя и маслят так мимоходом по пути он насобирает много, так что рюкзак заметно потяжелел.

Расположившись на привал, открыл консерву и стал ма-

кать туда хлеб – это было его любимое лесное блюдо. Ещё раньше, когда он был не таким старым и когда оставался в лесу с ночёвкой, брал походный котелок и на костре варил суп, высыпая в воду сухое содержимое дешёвого магазинного пакета. Воду наливал в роднике, поэтому и останавливался на привал поближе к роднику, чтобы мыть котелок и после ещё кипятить воду для чая. Иногда в углях запекал картошку, но это уже ближе к осени, и вообще он не понимал, зачем люди вгоняют себя в какие-то рамки четырёх стен, наводят там порядок и делают даже ремонт, ведь мир такой большой и всегда можно найти в нём другой уютный и красивый уголок, где будет всё сделано само собой и вовсе не рукотворно. Да и пожить там можно сытно и вполне бесплатно. Хотя, впрочем, наверняка в давние времена, даже не в древние, а в первобытные, так и было. Зачем только всё испортили люди этой своей цивилизацией?..

– Да вот, испортили, – заговорил вдруг с Акимом Аркадьевичем кто-то рядом, вторя его мыслям.

Он оглянулся, увидел рядом сидящего человека, вздрогнул даже, потому что совсем не заметил, когда это он подошёл и сел тут.

– Здравствуйте, любезнейший, – сказал, стараясь быть вежливым, пережёвывая хлеб.

Тот хихикнул.

– Не полезные вы продукты потребляете, – сказал, осторожно косясь.

– Ну, если всё делать с пользой, так и жить не интересно, – отозвался Аким и отломил ещё хлеба.

Консерва попалась вкусная, а может быть он сильно проголодался, в общем ел с аппетитом и разговаривать не хотелось совсем, тем более с незнакомым каким-то лесником.

– О чём-то думаете? – однако спросил тот, явно было – хочется ему затеять беседу по душам.

– Как не думать? На то и человек...

– Животные тоже думают...

– Может быть, только это у них не специально получается.

– Да, а когда вот человек думать начинает, тут в самом деле хоть караул кричи, но всё равно никто не услышит.

– Поэтому я лучше спокойно подумаю и поем.

– Ешьте, ешьте, дело нужное... Люди видимо ещё про грибы не прослышали, не торопятся в лес.

– Так если узнают, они в первую очередь на рынок побегут – сейчас ведь все при деньгах.

– Что там рынок, это не то. А тут, погляди какое раздолье – любой грибочек выбирай, какой нравится. И срежай – хочешь подлиннее ножку, хочешь – покороче.

– Да как-то не заметно, чтобы выбор большой был, – сказал Аким Аркадьевич, а сам всё-таки украдкой взглянул в ту сторону, куда указал собеседник.

Тотчас обомлел – там росла целая семейка белых грибов.

– А вы почему не собираете? – спросил он у этого своего неожиданного собеседника.

– Весь лес не собрать, да и людям надо оставить, поэтому я беру только самые крупные.

– Вкуснее?

– Ага, да и всю силу леса в себя вобрали.

Про силу леса, которая накапливается в грибах, он давно слышал, и так как разговор с этим любителем лесных троп завязался уже основательно, решил поболтать ещё о том о сём, к тому же вот уже перекусил, а вставать пока со старого поваленного дерева, чтобы идти дальше, совсем не хотелось – удобно расположился. Подумал, что в первую очередь срежет эти грибы, которые росли прямо рядом.

– Я вот уравнение решаю, – поведал он вдруг незнакомцу.

– Чего? Чего? – переспросил тот.

– Пытаюсь решить задачу, говорю, – Аким Аркадьевич таким образом намеревался заинтриговать, чтобы собеседник его стал расспрашивать, и тогда бы у него появился повод рассказать о встрече Ларисе.

Но незнакомцу видимо это было всё равно, он зевнул даже, по-хозяйски посмотрел по сторонам.

– Зачем это? – слегка нахмурившись, спросил немного погодя с такой холодностью, будто сам никогда не учился в школе.

– Да просто вот надо решить, выявить неизвестные, – растерявшись, сумбурно принялся объяснять Аким.

– Ничего никогда не надо выяснять, – с неожиданной уверенностью вдруг заявил собеседник. – Всегда надо только

нарушать правила. Жизнь ведь не математика, двойку не поставят.

– Ну, жизнь тоже точная наука.

– Согласен, поэтому я и люблю гулять по лесу. Здесь своя жизнь, и главное – никого не обижать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.